

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

ГВАРДЕИ

ДМИТРИЙ ДАШКО

ВЕЙБ-
ГВАРДИИ МАЙОР

«КРМАОВ»

Дмитрий Дашко
Лейб-гвардии майор
Серия «Гвардеец», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=571345
Крылов; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-4226-0066-3

Аннотация

Куда вас, сударь, к черту, занесло?! А в мрачные времена «бироновщины», не дальше и не ближе! Наш соотечественник Игорь Гусаров, чьё сознание завладело телом курляндского дворянина Дитриха фон Гофена, теперь пытается счастье в лейб-гвардии царицы Анны Иоанновны.

Времена, признаться, беспокойные: фальшивомонетчики с территории Польши грозятся подорвать экономику империи, шведы жаждут реванша за поражение в Северной войне, могущественный Версаль строит козни и засылает шпионов, орды степняков грабят, убивают и угоняют в рабство тысячи мирных людей, союзнички—австрийцы норовят предательски ударить в спину, а внутри страны назревает злодейский заговор. Какой уж тут покой! Покой гвардейцам не по карману!

Однако есть еще и другая забота у нашего соотечественника, забота гораздо большего масштаба – не дать истории повернуть на иной, погибельный, путь. А это ох как возможно – если ничего не предпринять!

Но разве можно сомневаться в победе, когда в руках у тебя верная шпага и заряженный пистолет, когда рядом преданные друзья, готовые прийти на помощь в любую секунду!

И снова скрипит потертое седло, и снова скачут дорогами России и дорогами Европы лейб-гвардейцы Измайловского полка...

Содержание

Вместо предисловия	4
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Дашко Лейб-гвардии майор

Автор снова выражает благодарность всем посетителям журнала «Самиздат» Максима Мошкова, тем, кто принял самое горячее участие в обсуждении на форуме «В вихре времен» <http://mahrov.4bb.ru> и на «Военно-Историческом форуме» <http://www.reenactor.ru>.

И отдельное большое человеческое спасибо: Антону Перунову, Александру Замире, Игорю Петельчику, Александру Тишкову.

Вместо предисловия

Знаете, как оно бывает – живешь себе, в ус не дуешь, а потом... бац! Все летит вверх тормашками и приземляется с ног на голову. Потом стоишь, репу чешешь и думаешь: то ли радоваться, то ли застрелиться?

Психологи утверждают, что все зависит от нас. Как же, держи карман шире! Тут на самом деле уравнение с таким количеством переменных, что ты в нем, дай бог, занимаешь надцатое место в надцатом ряду. К тому же психология, как и любая другая лженаука, предполагает наличие минимум двух диаметрально противоположных мнений. Какое-то из них в итоге окажется правильным, но вот какое... Это, простите, лотерея. Фифти-фифти.

Есть симпатичный подход: если не в силах изменить что-то, измени к нему отношение.

С работы вылетел – радуйся, что теперь хомут натирает шею другому дураку. Почему «дураку»? А как еще назвать человека, который выполняет ее за те копейки, что тебе когда-то платили?

Жена ушла... Посочувствуй бедолаге, которому придется с ней жить. Ты-то свое уже «отмотал».

Знакомый занял денег и не отдает, на звонки не отвечает, избегает тебя и юлит при случайной встрече... Прыгай до потолка от счастья! Ты дешево избавился от этой сволочи!

Мне такая психологическая установка весьма пригодилась. Но обо всем по порядку.

Жизнь моя долго двигалась по накатанной колее. Детский сад, школа, институт иностранных языков, армия, «дембель» и последующая карьера в фирме, которая не всегда была в ладах с законом. Ничего примечательного. Можно остановить на улице первого попавшегося ровесника, расспросить его и выяснить, что биографии наши если и отличаются, то лишь в незначительных деталях.

Так живут миллионы людей: встают в шесть утра, чистят зубы, умываются, завтракают на скорую руку. Общественным транспортом или на личном авто добираются до работы.

Кто-то, сидя в тесной конторке, перекладывает бумажки с места на место или раскладывает пасьянс «Косынка», если шеф пропадает на совещании, парится в сауне или пьет в отгуле за прогул.

Кто-то калымит у станка, во время перекуров перетирает с мужиками последние международные новости и в пух и прах разносит правительство за бардак и типичное российское ничегонеделанье.

Кто-то в этот самый момент хватается за руку жулика, а потом заводит на него уголовное дело в тридцати томах: по одному за каждый свистнутый рубль.

Кто-то учит детей, лечит больных или веселит народ тупыми шутками по «зомбоящику».

Заканчивается трудовой день, люди вновь устремляются к переполненным автобусам или трамваям, с риском для жизни несутся по улицам на разваливающихся маршрутках. Жители мегаполисов спускаются в катакомбы метро. Пять раз в неделю, сутки за сутками, час за часом, которые и впрямь складываются в года. А когда оглядываешься назад, понимаешь, что жизнь прожита и ничего уже не изменить. Наверное, так оно и есть, но только не для меня.

Я из того поколения, что пересекло черту, разделявшую два века: двадцатый и двадцать первый. Пусть по большому счету это условности, но все равно здорово причислить себя к людям, которые сразу в двух столетиях чувствуют себя как дома.

Год назад родным для меня стал и другой век – восемнадцатый.

Сейчас расскажу, как все было.

День тот, говоря откровенно, не заладился. Шеф дал понять, что наша контора не более чем стиральная машина, призванная отмывать левые деньги. Добром такие фирмочки не заканчивают, а значит, пришло время сменить работу, пока не поздно.

Перебрав все варианты, я отправился на встречу с другом. У него были и деньги, и связи. Он мог стать для меня палочкой-выручалочкой в столь непростое время, когда искусно или искусственно организованный кризис (пусть специалисты разбираются) достиг апогея. Пока Америка сохла, другие, не столь заросшие жирком державы корчились в мучительных судорогах.

Взял такси, доехал до здания еще сталинской постройки, в котором размещался Лехин офис. Только дотронулся до ручки массивной двери, как вдруг произошло что-то непонятное. Огни, странное свечение, тяжелая тупая боль. Я потерял сознание, а очнулся уже в чужом теле и в другом времени.

Несчастный молодой курляндский дворянин – барон Дитрих фон Гофен – так и не доехал до Санкт-Петербурга, столицы варварской и дикой Московии. Летом 1735 года он упал с лошади и разбился. Глупая смерть, запустившая механизм переселения моей души.

Похоже, индусы знают толк в религии и не так уж неправы в придуманной ими круговерти реинкарнаций. Тупым как дерево я не был, поэтому, минуя воспетую Высоцким стадию баобаба, перескочил сразу в немецкого дворянина.

Трудно объяснить ощущения, которые я испытывал в тот момент. Шок, полное непонимание происходящего. Казалось, я брежу или тронулся с ума, сейчас придут санитары и упрячут в психушку.

Но время шло, а ничего не менялось. Меня по-прежнему принимали за Дитриха фон Гофена. Подумав, я решил не развеивать это заблуждение. В конце концов, надо как-то устроиться, а баронский титул не самое плохое начало для старта.

Дальше была драка на дороге, убийство в порядке самозащиты капрала Звонарского, арест и допрос в Тайной канцелярии. Чиновники сунули меня в тюремную камеру, там я и познакомился с Кириллом Романовичем, выходцем из параллельного мира.

– Я – тот, кто устроил ваш перенос в это время, – нерадостно сообщил он.

С его слов выяснилось, что наш мир служит полигоном для некой могущественной цивилизации, на котором она отрабатывает различные модели развития. Однако пришло время платить по счетам. Кирилл Романович пояснил, что меня перебросили в прошлое с целью изменить будущее России.

– На вашу долю выпало предотвратить дворцовый переворот, цель которого – сместить с трона законного императора Иоанна Антоновича и возвести дочь Петра Первого – Елизавету. Более того, вы постараетесь примирить три главных политических фигуры России при императрице Анне Иоанновне: фельдмаршала Миниха, будущего регента при малолетнем императоре Бироне и вице-канцлера Остермана, – сказал Кирилл Романович.

Честно говоря, предложение вызвало у меня вполне оправданный скепсис. Я знаю, что политики любой страны, а России, пожалуй, в особенности, ведут себя ничуть не лучше пауков в банке. Кто кого сожрал, тот главный. Три вышеуказанные персоны – Бирон, Остерман и Миних – вряд ли могли быть исключением. Они заключали временные союзы и перемирия, тут же с легкостью их расстраивали и вновь затевали многоходовые интриги и заговоры. Было бы против кого дружить.

Я привык решать проблемы по мере их поступления, поэтому все же дал Кириллу Романовичу согласие. Впрочем, не больно меня и спрашивали.

Чтобы пробиться наверх, предстояло пройти карьерную лестницу ступень за ступенью. Я начал с самых низов и без ложной скромности скажу, что кое-чего добился.

Читатель, знакомый с историей по романам Валентина Пикуля и школьным учебникам, сразу смекнет, что меня занесло аккурат в самый разгар «бироновщины», и приготовится выслушать рассказ об ужасах той эпохи. Увы, я на своем примере узнал, что замечательный писатель слишком доверял историческим анекдотам (представьте, насколько правдивым получился бы исторический роман о Чапаеве, основанный на всем известных побасенках из серии: «Пришел Петька к Василию Ивановичу и говорит...»). А уважаемые академики, должно быть, уже устали от постоянного переписывания учебных пособий.

Мне вы можете поверить, потому что это я прошел через Тайную канцелярию, повисел на дыбе, познакомился с всесильным генерал-аншефом Андреем Ивановичем Ушаковым, поступил в лейб-гвардии Измайловский полк и дослужился до чина сержанта, пожалованного лично императрицей Анной Иоанновной.

Службу гвардейца и в мирное время не назовешь спокойной, и вот по заданию Ушакова я оказался в Польше, чтобы разорить гнездо злодеев, наводнивших страну фальшивыми деньгами.

Глава 1

Только человек с буйной фантазией мог назвать Крушаницу городом. На вид деревня деревней: несколько кривых узких улочек, непролазная грязь даже на центральном проспекте, ведущем к ратуше, скверно мощенные мостовые с вывороченными лошадиными копытами булыжниками. Разве что количество костелов впечатляло: чуть ли не через каждый дом стояли основательные здания, выстроенные из камня, с католическими крестами, сияющими на солнце. Только на одной улице я насчитал не меньше десятка храмов. У приезжего, видевшего это издали, могло создаться впечатление, что народ тут проживает смиренный и набожный, но оно вмиг рассеивалось, стоило только оказаться в черте города.

Михай безошибочно доставил нас к постоялому двору. Время было позднее, лавка Микульчика скорее всего давно уже закрылась, и смысла искать ее на ночь глядя я не видел.

Народу на постоялом дворе хватало, но хозяин, получив от меня талер и заверение, что это не последний в моем кошельке, который я готов бросить на алтарь его заведения, подсутился: уплотнил нескольких жильцов победней и поговорчивей, а нас заселил на освободившееся место.

Ужин заказали в комнату, спускаться не стали. Внизу вовсю шла гулянка, вино лилось рекой, доносились тосты во славу Польши и ее союзников, и, похоже, моя родина в число их не входила. Звучали и пожелания скорой гибели всех москалей, это наводило на определенные размышления. Особой враждебности вроде не слышалось, тосты произносились скорее по привычке, но кто знает. Светиться тем, что состоим на русской службе, не стоило как минимум из благоразумия. Нет, вполне возможно, что среди пировавших были и те, кто сочувствовал моей родине, но себя они не проявляли ни словом, ни делом.

Поскольку мы с Карлом представились курляндскими баронами, к нам не привязывались. Формально считали своими, лишних вопросов не задавали, а Михайлов и Чижилов все больше помалкивали, хотя последний, как и многие из тех, кому довелось послужить в украинской ланд-милиции, довольно сносно умел разговаривать на польском.

Еще один член моего отряда – Михай – и вовсе чурался соотечественников. Собственно, он сторонился практически всех, включая нашу команду. Лишь один я мог вытащить из него слово-другое, но потом поляк замыкался, будто боялся, что плотину его отрешенности прорвет.

Чтобы как-то развеять дорожную скуку, я стал практиковаться в изучении польского. Михай, хоть и без сильного удовольствия, помогал мне. Давно замечено – чем больше языков знаешь, тем легче осваивать новые, поэтому к концу недели я уже вполне сносно изъяснялся по-польски, используя самые простые и распространенные обороты. Разумеется, беглая речь ставила меня в тупик, но сказать что-то элементарное и при этом быть понятным собеседнику я уже мог. На практике большинство людей обходится довольно скромным словарным запасом.

Нам принесли жареного поросенка, овощное рагу, хлеб. Шустрая служанка притащила из погреба кувшин венгерского вина. Оно оказалось кисловатым и не очень хмельным, но я все равно дал девушке монету «на чай». Зачем настраивать против себя прислугу? Иногда от этих людей зависит очень многое. Например, жизнь.

После сытного ужина задули свечи и улеглись спать. И хотя позади остался день утомительной скачки, а тело устало и нуждалось в отдыхе, сон не приходил. Всему виной был разговор с баронессой, растревоживший и без того беспокойную душу.

Я не собирался корить себя за то, что поддался просьбе Карла и заехал в родовое имение фон Гофенов. Многие побудило сделать этот крюк: и понимание, что в глазах кузена совершу чуть ли не святотатство, если не заеду к матери, и изрядная толика любопытства

узнать что-то о настоящем Дитрихе, да и та частица от него, что осталась где-то в глубине, жаждавшая хоть на пять минут повидать дорогое ему существо, – все это наложилось друг на друга. Воля моя поддалась. Я не мог противостоять внутреннему натиску. Страх перед разоблачением, элементарная осторожность и здравый смысл оставили меня. И, наверное, не зря.

– Простите меня, – извиняющимся тоном сказала баронесса. – Я пришла, чтобы узнать, что произошло с моим сыном.

Точно так же началась наша встреча на маленькой мызе под Митавой. Я подумал, что женщина снова хочет меня в чем-то укорить, и не придавал большого значения тоске, которая прозвучала в ее словах.

– Со мной все в порядке. Ваши упреки в моей невнимательности справедливы, выводы сделаны. Обещаю писать раз в неделю, а то и чаще, – с наигранной усмешкой сказал я.

– Бросьте, – устало произнесла баронесса. – Вы действительно не мой сын. Отставьте шутки в сторону, они только унижают меня. Обмануть мать невозможно.

– Ничего не понимаю. Мама, объясни, с какой стати ты решила, будто я не твой сын? – удивленно спросил я.

– Я слишком хорошо знаю Дитриха. Есть тысячи мелочей, выдающих постороннего человека: как он ведет себя, как разговаривает, как ест, как спит... Сначала я не придавала им внимания, отгоняла подозрения прочь, но, не сомкнув глаз этой ночью, поняла: вы не тот, за кого себя выдаете.

Я напрягся. Время, проведенное с прекрасной девушкой, подарившей настоящему Дитриху дочь, а мне ни с чем не сравнимое удовольствие, расслабило меня. Я был слишком самоуверенным, слишком беспечным. И вдруг... Словно холодный душ.

– Что ты говоришь, мама?! – играя роль хуже самого бездарного актера, спросил я.

Было гнусно и противно. Я ощущал себя вором, застигнутым на месте преступления. Фальшь в моих словах покорила не только меня, но и баронессу.

– Прекратите! Прекратите немедленно! – с надрывом сказала женщина. – Я прошу вас: перестаньте измываться над матерью.

– Как скажешь, мама, – подавленно произнес я, ненавидя самого себя.

Баронесса всхлипнула.

– Не называйте меня матерью. Вы – не Дитрих. Но, Боже, как вы похожи на моего сына! Если бы я не рожала в здравом уме и трезвой памяти, то решила бы, что вижу его брата-близнеца. Но я хорошо помню, что у меня был всего один сын. И вы – точно не он. Скажите, Дитрих, настоящий Дитрих, жив? – с такой надеждой прошептала мать, что я почувствовал, как во мне что-то оборвалось.

В горле застрял сухой комок, слезы навернулись на глаза. Что я мог сказать этой женщине? Правду? Но как это немилосердно и тяжело говорить, что ее единственный ребенок погиб, в тело его вселилась чужая душа, а от того Дитриха, которого она когда-то выпестовала, осталось только непонятное ощущение легкого, почти невесомого присутствия.

А если солгать? Нагромоздить груды лжи, сослаться на ушиб во время падения с коня, пытки в Тайной канцелярии, наплести вагон и бочку арестантов... Лишь бы дать ей успокоение, основанное на полной фальши. Могу ли я поступить таким образом с матерью? Нет, это выше моих сил. И не потому, что безмозглый дурак, бесчувственная скотина или что-то еще в этом роде. Просто врать матери – кошунство. Она заслужила правду, какой бы страшной та ни была. Святая ложь не заслуживает высокого титула.

Я заговорил. Тяжело объяснять вещи, о которых и сам-то имею весьма смутное представление, но все, что я рассказал, было чистой правдой, во всяком случае так мне пред-

ставлялось. И что самое странное – баронесса поверила. Наверное, потому, что материнское сердце действительно способно отличить, где правда, где ложь.

– Значит, Дитрих внутри вас? – спросила баронесса, осторожно касаясь моей груди.

– Да. – Я не стал отстраняться, понимая, что ласка предназначена ее сыну. – Если быть точным – какая-то его частица, осколок души. Даже не знаю, как это объяснить.

– Тогда не пытайтесь... А он может что-то сказать мне?

– Нет, я лишь ощущаю его присутствие. Легкое раздвоение сознания в некоторых ситуациях. Он очень слаб и не может взять контроль над телом. Я не понимаю, почему он вообще остался. Если верить человеку, из-за которого это случилось, Дитрих умер, ушел на тот свет. Хотя, кажется, мы и в правду не исчезаем бесследно. Большого, извините, сказать не могу. Не потому, что не хочу, а потому, что не знаю. Простите меня, пожалуйста.

– За что? – поразила женщина. – Разве это ваша вина?

Я покачал головой:

– Нет, моего согласия не спрашивали, но я все равно чувствую себя виноватым.

Она поцеловала меня в лоб и сказала:

– Успокойтесь. Вы ни в чем не виноваты, молодой человек. Я буду молиться, чтобы вы довели до конца вашу миссию. Надеюсь, небеса смиростивятся и мой сын вернется. Вы верите в это?

– Кто знает, – тихо произнес я.

Если Дитрих вернется, что станет со мной?

Уезжая, я оставил матери мешочек с полусотней дукатов и попросил позаботиться о дочке. Это все, что было в моих силах.

Проснулись мы утром от выстрелов и криков встревоженных людей.

– В чем дело? – Карл присел на кровати, вытирая кулаком заспанные глаза. – Какая сволочь шумит под окнами?

– Сейчас узнаем.

Я глянул в окно, пытаюсь разобрать, что творится на улице, и увидел кавалькаду гарцующих всадников, палящих на всю округу из пистолетов. Похоже, они чему-то радовались и спешили возвестить об этом событии стрельбой. Прямо как ковбои из плохих вестернов.

В дверь постучали.

Я перевел взгляд на Чижикова, тот понимающе кивнул и осторожно, на цыпочках, подошел к двери, отведя за спину пистолет с взведенным курком.

– Кто?

– Служанка, – донесся тонкий женский голос. – Хозяин просил передать вам, что пан Потоцкий прибыл и призывает всех постояльцев к столу, чтобы выпить с ним за благополучное возвращение. Пан за все платит.

Мы переглянулись. Потоцких в Польше хватает, и далеко не все из них относятся к ветви знатных магнатов. Мне говорили, что всего насчитывается около шести разных шляхетских родов под этой фамилией. Тот Потоцкий, что занимался ввозом фальшивых денег, входит в какой-то из весьма захудалых и, по закону подлости, вполне мог прорваться сквозь все кордоны. М-да, ситуация не из приятных. Меня и Карла пан не знает, а вот Михая вполне мог запомнить, даже наверняка запомнил. Если не спустимся, не удивлюсь, если Потоцкий явится лично приглашать курляндских дворян отпраздновать его возвращение. Хочешь – не хочешь, а надо идти, садиться за стол и делать вид, что радуешься благополучному исходу, а Михай с гренадерами пускай запрутся в комнате и «не отвечивают».

Я попросил Карла одеться, выйти первым и разведать обстановку, а сам остался, чтобы проинструктировать остальных. Приказ «И носу не выказывать из комнаты» не вызвал у них пререканий.

– Да всегда пожалуйста, – пожал плечами Чижигов. – Будем сидеть как мыши.
– Токмо винца попросите кувшинчик принести. Все равно Потоцкий платит, – усмехнулся Михайлов.

– Ага, может, еще и девах поразбитнее пригласить? – не удержался я от колкости.
– Отчего не пригласить, – подкрутил ус Михайлов. – Я б не отказался. Моя благоверная далече и ничего не узнает, ежели никто не расскажет, конечно.

Чижигов отвесил ему звонкий шлепок по макушке.

– Ты чего? – развернулся недоумевающий Михайлов.

– Того, – зло пояснил «дядька». – Не зарывайся, помни, что говоришь с унтер-офицером. Знай свое место, Мишка.

– Дык я ж шуткую, – попытался оправдаться незадачливый гренадер.

– Ты со мной шуткуй, а их благородие не трогай. Они пока милость к тебе проявляют, а то б давно зубы повыщелкали, – ощерился Чижигов.

Он был полностью прав. Нет ничего хуже для армии, чем панибратство. Стоит чуть ослабить поводья, и ситуация станет неуправляемой. Россия столько раз это проходила: в семнадцатом году, в середине восьмидесятых и начале девяностых прошлого века.

Карл стремительно взлетел по ступенькам и едва не сбил меня с ног.

– Это он, наш Потоцкий, – с трудом сдерживая сбившееся дыхание, сообщил кузен.

– Понятно, – процедил я сквозь зубы. – Хорошо, пойдем знакомиться. Врага полезно знать в лицо. Один пожаловал или с Сердецким?

С последним мы хоть и служили в одном капральстве, но никогда не виделись.

– Сердецкого нет, умчался к себе в имение. А у Потоцкого дела в городе, вот и колочит. Девочек каких-то на улице похватал, танцы устраивает.

– Танцы – это хорошо. Правда, из меня танцор никудышный, – сказал я чистую правду.

Для дискотеки мои дерганья, может, и сойдут, но вот ни польке, ни мазурке меня сроду не учили.

– Плюнь, Дитрих. Все такие пьяные, что им будет не до того, как ты пляшешь.

Внизу дым стоял коромыслом. Человек тридцать шляхтичей в рысьих шапках и жупанах лихо отплясывали под зажигательную музыку. Я не видел никого в европейском платье. Похоже, дворянство предпочитало национальные костюмы, и, к слову сказать, мне это было по душе. В патриотизме полякам точно не откажешь.

Дам на всех не хватало, к тому же некоторые пытались при удобном случае сбежать из корчмы, но бдительные кавалеры не давали им такой возможности. Беглянок под общий смех возвращали, чуть ли не силком заставляли выпить «штрафную». После этого красавицы не падали только потому, что их поддерживали. Ясновельможные веселились на всю катушку.

Пан Потоцкий восседал во главе залитого вином и пивом стола, вокруг него постоянно находился кто-то из трактирной прислуги, и шляхтич щедро швырялся деньгами направо и налево.

Увидев меня, он сделал приглашающий знак рукой:

– Милости прошу к моему скромному столу.

– С удовольствием, – не стал отказываться я. – Позвольте представиться – барон Дитрих фон Гофен.

– Очень рад. Пан Анджей Потоцкий, из шляхты местной. Пропустим по чарке?

– Как не пропустить, обязательно пропустим. Благодарю вас.

Мы выпили за знакомство. Я как следует рассмотрел нового «приятеля». Пан был смугл и красив той дикой красотой, которая так нравится женщинам, – широкие плечи, узкие бедра, волнистые густые волосы цвета вороньего пера, бешено сверкающие глаза, прямой нос, правильные черты лица, где все гармонично и до того ладно, что не верится. Наверное, он как нельзя лучше подходил для роли демона-искусителя. И в то же время я ощущал в нем

недюжинный ум и силу. Такого лучше держать в друзьях, а не во врагах, но так уж сложилась жизнь, что мы находимся по разные стороны одной реки, имя которой – служение Родине.

Бутылка закончилась, Потоцкий отбросил ее в сторону, даже не глядя, попадет в кого или нет.

– Еще вина! – закричал он. – Самого лучшего! Да побыстрее! Я вернулся всем смертям назло!

Собравшиеся дружно подхватили, загалдели что-то в ответ. Видно было, что шляхтич пользовался популярностью, и отнюдь не только благодаря широким замашкам.

– Гуляем, ясновельможные! Все серебро спущу сегодня, ничего не оставлю! – вновь завопил Потоцкий. – Донага разденусь, но вином всех напою!

– Слава! Аминь! – гулко пронеслось по залу, и гульба продолжилась.

Я понял, что незаметно отсюда не выскользнешь, и решил принять участие в общем веселье, которое закончилось только под утро. Первый этаж постоялого двора к этому времени напоминал поле после побоища. Мертвецки пьяные люди лежали там, где застиг внезапный сон: на полу, подоконниках, на сдвинутых столах. Женщин почти не было, очевидно, их или отпустили, или растащили по «нумерам». Шатающиеся от бессонной ночи, похожие на призраков служанки наводили порядок, стараясь не разбудить постояльцев, чтобы не нарваться на неприятности. Буйные во хмелю паны были еще хуже на трезвую и больную голову.

Дверь в нашу комнату была заперта, я с трудом разыскал ключ. Открыв замок, добрал до кровати и завалился спать. Сил не хватало даже на то, чтобы застрелиться, а именно такое желание возникло днем, когда кто-то настойчиво принялся меня будить, не скупясь на выражения.

Я заворчал, присел на перине и вперил злой взгляд в Чижикова:

– Чего пристал?

– Господин сержант, пора бы идти, лавку Микульчика искать. Скока ж можно в этом клоповнике помирать?

– Сколько нужно, – сказал я первое, что пришло в голову. – Буди Карла, скажи ему, что собираемся и идем.

– Дык это, – Чижиков вздохнул. – Нету Карла. Всю ночь его не было. Пропал ваш кузен, не знаю, куда запропастился.

Глава 2

Я окончательно проснулся. Известие оказалось не из приятных. Понятно, что Карл вполне взрослый и самостоятельный человек, который еще и любит поволочиться за юбками, но мы договорились, что будем держать друг друга в курсе всех планов, и если уж ему приспичило, то первым делом он был должен поставить меня в известность. Я отвечал за все: и за успех нашей поездки, и за жизни подчиненных, тем более за двоюродного брата.

Вчерашняя попойка даром не прошла. Я наморщил лоб и попытался восстановить события прошлого вечера. Увы, в памяти всплывали отдельные фрагменты, не желавшие выстраиваться в цельную картину. За стол к Потоцкому присели вместе, потом пили за знакомство, за что-то еще, поводов было предостаточно – упоминались: процветание Речи Посполитой, дружба народов и мир во всем мире. Вроде ничего лишнего не наболтал: о Катыни не говорил, замученных насмерть в польских лагерях красноармейцев не вспоминал, американское ПРО и подавно. А то, бывает, иногда заносит. Ляпну что-то такое, а потом думаю, как выкрутиться.

Кузен, кузен... Первое время Карл находился рядом, потом я танцевал с какой-то панночкой, надеюсь, она была не сильно страшной, ибо, накачавшись вина, дошел до такой кондиции, что пустился бы в пляс даже с крокодилом, выловленным из Нила.

Я решил поспрашивать у прислуги, вышел в коридор и сразу наткнулся на вялого и снулого, как рыба зимой, кузена. Он без особой уверенности брел к дверям нашей комнаты.

– Карл, где тебя носило? – с негодованием, смешанным с радостью, спросил я.

– Дитрих, – «пропажа» икнула и продолжила: – прости. Я так набрался, что ничего не соображаю. Мне плохо, попить бы...

Я окликнул служанку, велел принести для кузена чего-нибудь холодненького. Мы зашли в комнату и плотно притворили за собой дверь. Я приступил к расспросам:

– Где ты пропадал?

– Ночевал в апартаментах Потоцкого, – признался Карл.

Он схватился за голову и сокрушенно добавил:

– Ох, до чего башка болит, на половинки раскалывается.

– Прости, не понял. Повтори еще разок: где тебя всю ночь носило?

– Я же сказал – у Потоцкого был.

При этих словах Михайл сморщился, будто надкусил лимон. Я понимал его чувства – как ни крути, этот шляхтич был его смертельным врагом.

– Вот это номер! Каким ветром тебя туда занесло?

– Не поверишь, сам ума не приложу, но факт остается фактом – на одной кровати дрыхли, хорошо хоть, не в обнимку. Саблю зачем-то мне подарил.

В подтверждение он показал саблю в украшенных узорами ножнах. Я взял ее в руки, покрутил. Ничего себе вещица, не из дешевых, точно.

– Чего с ней делать? – озадаченно спросил Карл.

– Раз подарили, забирай. Хорошее оружие, – произнес я, вытаскивая клинок из ножен и любуясь заточкой лезвия. – Грех такое возвращать. Да и обидеться могут, а проблем у нас и без того хватает, больше, чем у собаки блох.

Я облегченно вздохнул и велел Карлу отдыхать: в таком состоянии пользы от него как от козла молока. Увы, главные неприятности были еще впереди.

В номер ввалилась целая делегация шляхтичей, к счастью для нас без Потоцкого. Незваные гости толпились, шумели, обсуждая только им понятные события.

– Господа, чем обязаны? – недоуменно вскинулся я.

Ничего хорошего от появления в комнате столь внушительного количества шумных и крикливых, а главное, до зубов вооруженных людей ждать было нельзя. Я напрягся, поискал взглядом пистолеты. Прорываться так с музыкой. Огнестрельный аккомпанемент при таких обстоятельствах весьма кстати.

Вперед выступил чубатый поляк с длинными обвислыми усами и вместительным, выпирающим, как у беременной женщины, пузом.

– Добрый день, ясновельможные паны, – склонил голову он.

– И вам здравствуйте, – откликнулся я.

– Я очень извиняюсь, что потревожил, но обстоятельства таковы, что ждать далече никак не можно. Прошу господина барона фон Брауна проследовать с нами, – поглаживая выдающийся живот, сообщил шляхтич.

– К-к-к-куда проследовать? – заикаясь от беспокойства, спросил я.

В голове шумел морской прибой. Волны накатывались, с каждым приливом принося тупую, как шляпка гвоздя, боль.

– Готово все у нас, – не обращая на меня внимания, бодро отрапортовал поляк. – Ксендза привезли, скоро и пастора доставят. Чудом нашли, – похвастался он. – Всю округу облазили.

– Еще раз спрашиваю: куда вы зовете моего кузена и зачем понадобились ксендз с пастором? – разозлился я, чувствуя, что происходящее упорно не желает поддаваться логическому объяснению.

– Вестимо куда, – снизошел до ответа шляхтич. – На саблях рубиться с паном Потоцким, как вчера обговаривались. Мы и место подходящее нашли на пустыре, никто не мешает. А священники нужны, чтобы напутствие дать да грехи отпустить перед смертью.

– Ничего не понимаю! – взорвался я. – Какие сабли?! Какое напутствие?! Какая смерть?! У вас что – дуэль?!

– Все верно, любезный братец, – мрачно подтвердил почесывающийся Карл. – Утром было не до того, закрутился и позабыл обо всем, а сейчас вспомнил: мы же и впрямь собирались с паном Потоцким драться. Только не помню, кто кого на дуэль вызвал.

– Да тут и гадать нечего: пан Анджей вас вызвал, – с твердой как гранит уверенностью заявил уса́тый шляхтич. – Он у нас такой, без рубки неделя прошла, почитай, что впустую прожита.

– Не, сдается мне, что это барон у пана Потоцкого кулаком перед носом махал, – безапелляционным тоном изрек другой шляхтич. – Я, правда, прилично накушавшись был, но что-то такое смутно припоминаю.

– Вовсе нет! Они и впрямь поначалу на кулачках сошлись, но пан Анджей опосля опомнился и предложил, как только завтра наступит, разрешить все честь-честью в сабельном поединке, – влез в разговор третий.

– Ничего подобного! – вмешался четвертый. – Панове, я хоть и выпил побольше вас, но мозги еще не пропил. Курляндец на дуэль вызвал, Девой Марией клянусь!

Шляхтичи ожесточенно заспорили, началась словесная перепалка, грозившая перейти в нечто намного более серьезное. Паны разделились на две партии, каждая из которых не собиралась уступать другой и настаивала на своем мнении как единственно верном.

Я поднял руку, как третейский судья:

– Постойте, господа. Похоже, нам не суждено разобраться, кто начал первым, но хоть из-за чего весь сыр-бор разгорелся?

Спор прекратился. Все стали пожимать плечами. Карл тоже растерянно замигал и развел руками.

– Прости, братец, не припоминаю. Надо у пана Потоцкого поинтересоваться. Вдруг он знает? – с надеждой предположил кузен.

– Так, может, замиритесь? – спросил я. – Особенно ежели причина пустячная и из-за нее грех проливать христианскую кровь.

– Ни за что! – горячо воскликнул Карл. – Я не стал бы вызывать на дуэль по пустяковому поводу. Значит, причина была серьезной.

– А Потоцкий?!

– Пан настоящий рыцарь. Из-за ерунды на дуэль не пойдет, – объяснил кто-то из шляхтичей.

Я обессиленно опустил руки. Кузен обычно был довольно покладист, но сейчас просто закусил удила. В таком состоянии мне его не остановить, тем более дело дошло до такого щекотливого вопроса, как честь. Дворяне, мать их за ногу!

Я велел гренадерам оставаться в комнате и никуда не уходить, а сам, влекомый шляхтичами, отправился выяснять обстоятельства свалившейся неожиданно-негаданно дуэли.

Красный и мрачный Потоцкий, который ждал всех у ворот постоянного двора, тоже не помнил ни причины, побудившей его скрестить сабли, ни того, кто кого, собственно, вызвал на дуэль. Мириться он отказался, хоть я прилагал все усилия, дабы привести обе стороны к обоюдовыгодному решению.

Мы приехали на пустырь, в сотне метров от которого виднелись развалины какого-то храма, явно православного. Католическая вера действительно насаждалась в этих краях огнем и мечом.

Страдавшие от жуткого похмелья дуэлянты осушили по чарке вина для подкрепления сил и взялись за сабли. Я знал, что Карл неплохо фехтует шпагой, свое искусство он продемонстрировал еще в первый день знакомства. Однако одно дело – колющее оружие и другое – рубящее, к которому как раз и относится сабля. Поляки рассказали, что Потоцкий отменный дуэлянт, отправивший на тот свет немало народа. Карлу попался достойный противник. Я ощутил вполне объяснимую тревогу за кузена. Противники решили не просто биться, а сражаться до смерти или тяжелого ранения, которое не позволит продолжать бой. Я попытался опротестовать это решение, взывал к рассудку и совести, но меня не слушали.

Дуэлянты пожали друг другу руки и обнялись, потом по команде приняли стойки, выставив обнаженные клинки. Оба настроены были решительно. Каждый приготовился нашинковать противника на кусочки нужного размера.

Я еще раз попытался помирить поединщиков, но, как и раньше, безрезультатно. Доводы разума были бесполезны. Более того, добился только того, что несколько шляхтичей обступили меня с нескольких сторон, взяв в клещи. Видимо, опасались моего вмешательства в схватку.

Пот потек у меня по лицу, я боялся, что этот глупый и никчемный бой окажется последним для Карла. Кузен плохо держался на ногах, его сабля дрожала, однако в глазах застыло решительное выражение. Потоцкий тоже неважно выглядел, однако упрямство заставляло шляхтича бросать судьбе очередной вызов. Погибни он, я бы не стал переживать. Пусть Потоцкий был мне симпатичен, но это враг России, а значит, и мой враг. А вот Карла жаль до невозможности: умный, порядочный, храбрый и... молодой. Ему бы жить да жить. Я ж не знаю, что с собой и Потоцким сделаю, если кузен погибнет. Взорву все к такой-то матери!

Бой на саблях отличается от шпажного. Он и скоротечнее, и кровавей. Во время первого противник может погибнуть от многочисленных уколов, во время второго – запросто лишиться руки и прочих частей тела и, соответственно, умереть тоже.

– Именем Господа, начинайте! – крикнул секундант Потоцкого.

Дуэлянты сшиблись, зазвенела сталь. У Потоцкого был экономный стиль, шляхтич не спешил беспорядочно сыпать ударами в надежде сокрушить оборону, а выжидал удобного момента, чтобы полоснуть клинком по открывшемуся противнику. Но Карл был начеку и не подставлялся, парировал внезапные наскоки и сам выходил в стремительную и опасную

атаку, заканчивавшуюся пока что ничьей. Силы у дуэлянтов оказались примерно равными, только Потоцкий мог похвастаться опытом, а Карл – легкостью и подвижностью. Если бы не проведенная в застолье ночь, схватка была бы более короткой и яркой. Драчуны стояли друг друга, но они порядком устали, не выспались и если отошли от похмелья, то совсем чуть-чуть. Даже отсюда я ощущал, как физически трудно было им сражаться.

Толпившиеся в сторонке шляхтичи дружно поддерживали поединщиков, одобрительно комментировали удачные атаки и блоки, в азарте кидали шапки на землю и бились об заклад. Я же стоял ни жив ни мертв. Мне было страшно за Карла, слишком уж прикипела к нему душа. Я видел, что он начинает сдавать первым, едва не пропустил резкий и сокрушительный выпад Потоцкого, но чудом изловчился, и клинок просто рассек воздух. Но это была удача, не больше, а долго на ней не протянешь. Еще одна ошибка, и шляхтич непременно добьется своего – я потеряю друга навсегда. Мысль об этом едва не разорвала мне сердце. Я больше не хотел хоронить тех, кто вошел в мою жизнь и стал мне близок.

Поднаторевший в сабельных схватках Потоцкий быстро догадался, что Карл начинает проигрывать. Скупая манера боя изменилась на сто восемьдесят градусов. Клинок шляхтича засверкал, словно крылья мельницы. Поляк махал саблей, как цепом. Дзинь! Карл отбил опасный удар. Вжик! Лезвие едва не зацепило его грудь.

Шляхтичи притихли. Я взглянул на лихо орудовавшего саблей поляка, понял, что тот готовится нанести удар, который поставит финальную точку в поединке, даже зажмурился, чтобы не видеть последних секунд Карла, но тут...

Наверное, все были слишком увлечены схваткой и сразу не сообразили, что в развалинах православного храма засел какой-то стрелок. Его меткость была поистине фантастической. Пуля угодила в Потоцкого, круто развернула его и бросила на землю. На правом плече шляхтича расплылось огромное красное пятно.

– Матка боска! – завопил кто-то из поляков, бросаясь с саблей наголо туда, откуда грянул выстрел. – За мной!

– Поймаем негодяя! – подхватили вопль другие зрители.

Они устремились к развалинам, на бегу выхватывая оружие и стреляя из пистолетов. Пустырь моментально окутался дымом.

– Кто?! Кто сделал это?! – страшно кричал Потоцкий, пригвожденный к травяному ковру.

Мне вдруг вспомнились подобным истошным образом вопящие вампиры из ужасиков. Было в этом что-то иррациональное, нечеловеческое. Возникло желание вонзить в грудь Потоцкого осиновый кол, но я его подавил: кола у меня не имелось, да и шляхтич отнюдь не был вурдалаком.

Карл, потерявший противника, оцепенел. Его ноги подогнулись, он рухнул лицом вниз, будто подстреленный, но я точно знал, что пуля была одна и предназначалась другой мишени.

– Это не я, я тут ни при чем, – хватаясь за грудь, прохрипел кузен. – Я не просил стрелять!

Он перевел безумный взор на меня, но я выражением лица показал, что тоже не имею к стрелку ни малейшего отношения, хотя, признаюсь, внутри уже начали зарождаться подозрения. В нашей команде имелся человек, всеми фибрами души ненавидевший Потоцкого и желавший ему смерти. Более того, уж кто-кто, а я точно знал, насколько метко этот человек умеет стрелять, потому что сам обучал его этой науке.

Шляхтичи вернулись с пустыми руками.

– Убег мерзавец, – разочарованно сообщил усатый толстяк.

– Вы хотя бы смогли его рассмотреть? – спросил я, стараясь не выдать волнения.

– Рассмотрись его, – зло сплюнул усач. – Задал стрекача, только пятки сверкали. Он, как выпалил, нас дожидаться не стал. Ну ничего, всю округу перетряхнем и стрелка этого разыщем. Я сам разыщу, – стукнул кулаком по пивному животу шляхтич, – и к тебе, пан Анджей, приведу, чтобы ты с него шкуру полосками снял.

– Это успеется, – сказал я. – Вы бы лучше раненого к лекарю отвезли. Не ровен час, помрет пан Анджей. Себя винить будете.

– Не помрет, – отрезал усач. – Ему смерть от сабли нагадали, а не от пули, так что сдюжит пан Анджей. А к лекарю мы его сейчас доставим. Я в бричку свою посажу и отвезу к эскулапу.

– Побыстрее! – попросил я.

Мы с Карлом помогли уложить истекавшего кровью Потоцкого в экипаж. Напоследок шляхтич нашел в себе силы приподняться и произнести:

– Господин барон, на этом наш поединок не закончился. Как только я поправлюсь, то обязательно найду вас и продолжу.

– Будьте уверены, ясновельможный пан, – отсалютовал саблей Карл. – Почту за честь!

Мы вернулись на постоянный двор. Михая в комнате не было, что подтверждало мои подозрения.

– Где он? – спросил я у оставленного за старшего Чижикова. – Я же велел никуда не выходить!

Тот виновато склонил голову и раскаивающимся тоном сказал:

– Вы уж простите меня, господин сержант. Не послушал я вашего приказа. Попросился наш Михай в костел сходить, так я его отпустил. Когда еще возможность такая выпадет?

Глава 3

Вызванный лекарь, судя по всему – швед, тощий как тень и скучный, как программа канала «Культура», внимательно осмотрел Карла, нашел несколько порезов, нанесенных клинком Потоцкого, тщательно промыл раны и наложил чистые повязки.

– Ничего серьезного, господа. Я бы назвал это всего лишь царапинами. Но день-другой молодому человеку стоит отдохнуть. Пусть побережет здоровье и не встает на ноги.

– Со мной все в порядке! – запротестовал Карл, лежавший на кровати.

Он еще не отошел от горячки боя и столь неожиданного его завершения.

– А разве я сказал иначе? – с иронией спросил лекарь. – Только, если вы не станете меня слушать, я за ваше здоровье не в ответе.

– Вот что, – прикрикнул я на юношу, – делай что сказано. Два дня постельного режима. Встанешь – убью! Лично!

– А как же?.. – начал говорить кузен, но, сообразив, что среди нас имеется посторонний, вовремя закрыл рот.

Лекарь взял с меня две монеты и, пообещав проведать раненого послезавтра, удалился.

Я сел в глубокой задумчивости. Как ни крути, но мы едва не распрощались с Карлом. Если бы не своевременный и, главное, меткий выстрел, кузен бы уже знакомился с ангелами. Единственной подходящей кандидатурой на роль таинственного благодетеля был Михай. Он ненавидел Потоцкого, отлично стрелял и, вдобавок, выходил из гостиницы, хотя я строго запретил гренадерам покидать комнату. И что самое противное – я не знаю, как с ним поступить. С одной стороны, он ослушался приказа, с другой – спас Карла. Понятно, что на любых весах перетянет последнее. Есть, правда, еще один фактор, который надо учитывать, – выстрел из засады бросил тень на честь кузена, а уж кому, как не мне, знать, насколько он щепетилен в этих вопросах.

Михай явился через полчаса. Выглядел он, как всегда, хмурым и подавленным.

– Говори, где был! – сурово спросил я, едва Михай переступил через порог.

– В костел ходил, господин сержант, – не поднимая глаз, в своей обычной манере ответил поляк.

– Только в костел или еще куда-то завернул по пути?

– Больше никуда не заходил, – с удивлением произнес Михай. – На службе постоял, помолился за благополучный исход поединка между вашим кузеном и паном Потоцким, душу отвел перед образами.

– Покажи свое оружие, – приказал я.

– Зачем? – Михай побледнел, но, как мне показалось, скорей от обиды, чем из боязни оказаться раскрытым.

Нет, что-то тут не так. Неужели я иду по ложному пути? Но проверить Михая в любом случае надо.

– Покажи свое оружие, – с нажимом повторил я.

Обиженный поляк выложил свой арсенал. Выяснилось, что все на месте, ничего с собой наш друг не брал. Я задумался: времени обзавестись новым пистолетом или мушкетом у Михая не было, порохом от него не пахло. Да и удивление на его лице выглядело вполне естественным, актерских талантов в нем я не наблюдал. Выходит, загадочным стрелком был кто-то другой. И это встревожило сильнее всего. Похоже, в игру вступил новый игрок, и кто знает, чего от него ожидать и какой стороне он подыгрывает. Пока что в его активе спасение Карла, но вдруг это часть какой-то хитроумной комбинации? Или здесь что-то другое: месть, сведение старых счетов? Как всегда, вопросов больше, чем ответов. Скверно. Все равно что брести в потемках по минному полю.

Для очистки совести я все же потребовал от Михая клятвы:

– Поклянись, что не стрелял в Потоцкого!

– А в него что, стреляли? – ахнул Михай. – Надеюсь, убили?

– Убить – не убили, но ранили серьезно. Поклянись, что не твоих рук дело.

– Клянусь всеми святыми! Я-то, когда увидел кузена вашего, обрадовался. Думал, зарубил он этого гада. А тут вон как все обернулось! Но в Потоцкого я не стрелял, господин сержант, хотя, выпади мне такой случай, не дрогнул бы.

– Ладно, верю. День выдался тяжелый. Столько событий сразу навалилось.

– Господин сержант, – привстал Чижилов, – дозволейте сказать.

– Говори, раз уж начал.

– Я вот что думаю. Вы уж не смейтесь надо мною, но давно уже в затылке свербит, будто кто-то за нами идет и в спину смотрит. Словно взгляд чужой, на тебя направленный, чувствуется.

Я вздрогнул, уж больно мысли Чижилова были созвучны моим:

– Смеяться не собираюсь, не в моих это правилах. Объясни подробней, что тебя беспокоит.

– Помните, как мы у матушки вашей в имении ночевали? Я с утречка вышел во двор, трубочку раскурить, и ночного сторожа встретил. Он нашему языку немного обучен. Слово за слово, сцепились мы языками, и вот что он мне сказал: дескать, ходит неподалеку кто-то чужой, близко подойти не решается, но собак тревожит. Я поначалу не придавал речам его значения. Мало ли что привидеться ночью может, у страха глаза велики, сами знаете. Но как отправились в путь дальше, зябко мне вдруг стало. У меня мамка ворожить умела, к ней все ходили, даже из других мест, и мне кое-что от нее в наследство передалось.

– А ты у нас колдун, значит, – засмеялся Михайлов.

– Скажешь тоже! Никакой я не колдун, – обиделся Чижилов. – Чутье у меня появилось. Сначала всего ничего было, а с годами побольше стало. Иной раз словно в будущее заглядываю, точно знаю, что и как произойдет. Но такое редко бывает, а то бы нас ни в жизнь в засаду не поймали. А вот ежели кто в спину смотрит, всегда о том ведаю.

– Понятно, экстрасенс ты наш доморощенный, – улыбнулся я. – Ну, травы, что было дальше.

Чижилов не обратил внимания на незнакомое слово и продолжил:

– Чую, идет кто-то по нашему следу. Аккуратно так, на удалении держится, но из виду не упускает. Почитай до самой Польши чувство такое было, но, как через кордон перебрались и в Крушаницу приехали, отпустило.

– А что мне не сказал? – удивился я.

– А что говорить-то?! Вы ж меня на смех бы подняли без доказательств! – пояснил солдат.

– С этого дня ты мне лучше все рассказывай. Я тоже себя неуютно чувствовал. Если бы ты поделился со мной подозрениями, могли бы проверку устроить – узнать, кому это вздумалось за нами пылить. Глядишь, сейчас голову над этим ломать бы не пришлось.

– А может, оно и к лучшему, что не узнали? – заметил Михайлов.

Я вздохнул. Возможно, он прав. В голове забрезжило смутное предположение. Ушаков, отправляя нас в эту командировку, велел ни при каких обстоятельствах не предавать гласности тот факт, что мы находимся на русской службе и выполняем его задание. Политика есть политика. Джентльменам в белоснежных перчатках в ней делать нечего. Не удивлюсь, если генерал-аншеф для подстраховки отправил вслед за нами других людей, целью которых является наше устранение, если что-то пойдет не так. Вполне логичное решение. Нет чело- века – нет проблемы. Только не надо приписывать это выражение Иосифу Виссарионовичу. Это еще задолго до него придумали и в жизнь воплотили.

До поры до времени «контролеры» – назову их так – помогают нам. Устранили Потоцкого, как только стало ясно, что жизнь Карла в опасности. Действовали грязно, рискованно, но вполне эффективно. Ужас, как не хочется быть следующей мишенью.

Хотя... вдруг это паранойя? Впрочем, как говорили мне в армии: лучше перебдеть, чем недобдеть. Будем действовать с учетом новых обстоятельств, только и всего.

Я велел Михайлову ухаживать за раненым Карлом, а сам с остальными грендерами отправился на поиски лавки Микульчика. Выяснилось, что до нее рукой подать.

За прилавком стоял разбитной приказчик, из тех, которые умеют так обслужить покупателя, что случайный человек, зашедший, чтобы переждать дождь, обязательно выйдет с солнечными очками. Но, услышав, что мы хотим поговорить с хозяином, не стал упираться и привел круглолицего купца со щеками как у хомяка.

– Что вам угодно, господа? – Микульчик смотрел на нас с опаской, понимая, что мы вряд ли явились к нему за покупками.

Говорил он на польском, но, когда я сказал несколько фраз на немецком, купец с легкостью перешел на этот язык:

– Итак, чем могу служить, благородные рыцари?

– Я приехал сюда, чтобы осведомиться о здоровье пана Дрозда, – произнес я слова пароля.

– О, у меня для вас радостное известие: пан Дрозд пошел на поправку и в честь своего выздоровления собирается пожертвовать деньги на новый костел.

Я кивнул, будто на самом деле радовался приятной новости. Этот отзыв означал, что все в порядке, надо договариваться о встрече с проводником.

– Как бы мне с ним свидеться?

– Скажите, где вы остановились, и пан Дрозд лично явится к вам с визитом, – продолжил купец.

Я сказал, что мы остановились на постоялом дворе и занимаем одну из комнат, назвал номер.

– Понятно. – Круглое лицо торговца расплылось в угодливой улыбке. – Пан Дрозд будет поставлен в известность сразу, как только я его увижу. Не сомневайтесь. Мое слово тверже камня.

– Пан Дрозд в городе? – осторожно спросил я.

– Еще нет. Наверное, что-то его задержало в пути, но в этом ничего необычного нет. Мы обговаривали только приблизительные сроки. Я ожидаю его приезда со дня на день. Не беспокойтесь, думаю, он появится у вас не позднее послезавтра, – заверил купец.

– Спасибо, господин Микульчик, – поблагодарил я. – Буду всецело на вас надеяться.

Названный срок меня устраивал. Если верить доктору, как раз к тому времени Карл должен поправить свое здоровье, а лишний «штык» никогда не помешает.

День закончился, не в пример предыдущему, тихо и спокойно. Мы поужинали и легли спать без приключений.

Пан Дрозд явился только через сутки после того, как лекарь решил, что с раненым действительно все в порядке и он может хоть на руках ходить. Мы как раз праздновали это событие, когда в дверь постучался высокий шляхтич с длинным чубом и физиономией бандита с большой дороги.

– Я буду пан Дрозд, – представился он. – С кем имею дело?

– Бароны фон Гофен и фон Браун с челядью, – пояснил я.

– Вы не московиты? – удивился шляхтич.

– А кого вы ожидали здесь увидеть?

– Кого угодно, только не немцев. Мне сказали, что я должен проводить людей русской императрицы. Я почему-то думал, что сюда пришлют московитов.

– Не хочу вас расстраивать, но мы – курляндцы, хотя среди наших слуг есть и русские. Надеюсь, этот досадный факт не помешает вам выполнить поручение Чарторыжского?

– О, я бы выполнил свой долг, даже если бы увидел перед собой мавров. Это мой крест, – усмехнулся поляк. – Хотя вы не представляете себе всех трудностей вашей задачи.

– К трудностям нам не привыкать, но, прошу вас, прежде чем мы двинемся в путь, расскажите, что нас ждет.

– С превеликим удовольствием! Если закажете доброго вина или хмельного меда, я буду заливаться соловьем хоть до самого утра, – заулыбался шляхтич.

– Приглашаю разделить с нами трапезу, – предложил Карл.

– Что же, после долгой тряски на лошади аппетит мой столь разыгрался, что я без колебания приму ваше приглашение. Да и где еще могут поговорить и познакомиться поближе благородные паны, кроме как за накрытым столом?! С удовольствием осушу в ваше здравие кубок, и не один, – подмигнул пан Дрозд.

Хоть и не хотелось вновь предаваться Бахусу, все же пришлось откупоривать вино и разливать по бокалам, благо нам никто не мешал. После истории с возвращением пана Потоцкого остальные постояльцы приутихли и перестали колобродить. Устают все, даже пьяная шляхта.

К полуночи, благодаря словоохотливому проводнику, я узнал многое о цели нашей поездки. Оказывается, фальшивомонетчики нашли себе тихое и спокойное пристанище по соседству с деревней староверов.

Народа, придерживавшегося старых канонов, в Польше хватало. После реформ, затеянных патриархом, Русская православная церковь раскололась на два враждующих лагеря. Власти встали на сторону реформаторов, и хотя сочувствующие были даже на самых верхах, людей, которые предпочитали креститься двумя перстами, постоянно подвергали серьезным притеснениям. Вот почему староверы бежали из России на территорию соседней Польши. По некоторым прикидкам, страну покинуло больше ста тысяч человек. Цифра немаленькая, а если учесть потрясающую работоспособность и фанатическое прилежание старообрядцев, становится ясно, какие убытки терпела имперская казна, лишившаяся стольких подданных. Российские староверы платили удвоенный подушный оклад, для них существовало много разнообразных запретов, нарушение которых каралось огромными штрафами. Понятно, что империи было невыгодно терять такой источник доходов.

На территории Речи Посполитой неподалеку от Гомеля образовалось миниатюрное государство в государстве – Ветковская слобода, или просто Ветка, заселенная сплошь раскольниками. Количество дворов в ней доходило до нескольких тысяч. Духовная власть в слободе принадлежала старцу Епифанию, киевскому монаху, который благодаря подлогу был посвящен в сан чигиринского епископа. Когда обман раскрылся, лжеепископа арестовали, но «воровские люди скрали колодника Епифания в Коломинском лесу» и доставили в Ветку. Там старец и развернулся. Новоявленный архиерей начал лихо посвящать собратьев по вере в священники и диаконы.

Поскольку «народная тропа» к Ветке не то что не зарастала, а, наоборот, с годами становилась все шире и шире, встревоженное правительство Анны Иоанновны приступило к решению столь остро заявившей о себе проблемы. Первоначально власти отнеслись к ветковцам довольно гуманно: предлагали милость, обещали не наказывать за бегство, и только потом, когда уговоры не увенчались успехом, перешли к силовым действиям. В апреле 1735 года пять полков русской армии скрытно окружили Ветку. Солдатам приказали жилища раскольников разорить, а самих ветковцев со всем скарбом вывезти.

Операция, получившая в истории название «выгонка Ветки», прошла успешно. Мирные люди не могли оказать организованное сопротивление правительственным войскам. Как водится, победила сила. Пойманных староверов расселили по всей России, заложив тем

самым мину замедленного действия. Проповедников, обладающих даром убеждения, среди ветковцев хватало.

Селению, в которое мы отправились, очевидно, повезло больше. Солдаты не знали, где оно находится, или не смогли до него добраться, так что раскольники жили прежними вековыми обычаями.

Поляки опасались к ним лезть со своим уставом и предпочитали вести взаимовыгодную торговлю. Каким-то образом Потоцкие и Сердецкие договорились с общиной и установили на территории деревни машину, предназначенную для изготовления фальшивых денег. Судя по наводнившим Россию медным фальшивым пятакам, «бизнес» процветал. Ну да ладно, на то и мы, чтобы прикрыть эту лавочку.

– Нас мало, но мы в тельняшках, – усмехнулся я, прерывая пана Дрозда, живописно рассказывавшего о сложностях, что выпадут нам на пути.

– Простите, барон, что вы сказали? – спросил шляхтич.

– Я сказал, что все будет в порядке.

– Вот ответ, достойный мужчины! – поднял кубок пан Дрозд. – Сеча, вино и девушки – что еще нужно рыцарю для полного счастья? Драка впереди, вино на столе, а девушки... – Он облизнулся, как обжора на окорок. – Может, отправимся за ними? Я видел тут немало прекрасных паненок.

– Девушки потом, – улыбнулся я, вспомнив старую песню. – Выезжаем утром. Засиделись мы в этом городе. Пора и честь знать.

– Как пан скажет. Мне все равно, – сказал поляк и, уронив голову, захрапел.

– Гуляка, – не сдержал усмешки Чижигов. – Быстро же его свалило.

– Пусть спит, – махнул рукой я. – Да и нам стоит последовать его примеру. Туши свет, Чижигов. По койкам, гренадеры.

Глава 4

Утром выяснилось, что гость прибыл не один: с ним прискакал тощий малый лет двадцати, который хоть и считался шляхтичем, однако по польским законам вполне мог подвергнуться со стороны пана Дрозда порке, словно простой холоп, за тем исключением, что экзекуцию полагалось проводить на специальном коврике. Ночевал этот дворянчик в погребе с теми, кому на постоянном дворе не нашлось места. Гайдуки, лакеи и не сильно привередливые шляхтичи спали вповалку, не обращая внимания на прохладу и сословную разницу.

Пан Дрозд пошептался со своим человеком, а потом куда-то его спровадил. На мой вопрос ответил, что не хочет посвящать в дело лишние уши.

– Больше нам никого не понадобится, – заверил шляхтич.

Он скинул парадную европейскую одежду и переоделся в походное платье. Теперь на нем были: высокая шапка с пером, черные «смазные» сапоги и кафтан, за пояс которого пан Дрозд засунул пистолет. Не забыл проводник о сабле, подвесив ее так, чтобы в любой момент можно было выхватить из ножен, не теряя драгоценных секунд.

– Вашему спутнику много известно? – на всякий случай уточнил я.

– Совсем ничего, он всего лишь сопровождал меня до города. На дорогах не всегда спокойно, но теперь я не один и, клянусь Богородицей, нам нечего бояться.

– Далеко отсюда до раскольничьего скита?

– Ну, скитом это не назовешь, скорее община: деревенька дворов в тридцать, может, больше, признаюсь, не считал. За полдня добраться можно, – задумчиво произнес пан Дрозд и добавил: – Отправимся сейчас, аккурат к обеду успеем.

– А дорога какая?

– Дорога обычная, – усмехнулся пан Дрозд. – Не утопнем в грязи, значит, доедем. Ну да вам не привыкать: что в Московии, что в Курляндии вашей тоже не дороги, а так... и смех и грех. Одно название! Сначала по тракту пойдем, затем будет развилка, от нее нам в сторону леса, в самую чащу. А уж дальше только на меня полагайтесь, я места эти как свои пять пальцев знаю, не заплутаем.

Шляхтич приосанился, фигура его распрямилась.

«Как его распирает от собственной значимости!» – подумалось мне. Но все верно, без него что без рук.

– Как на раскольников этих вышли? – спросил я.

– Русский посол давно уже жаловался нашему королю, что из Польши ввозятся фальшивые деньги, но вы знаете, что наш монарх не имеет большой власти. Все в руках магнатов. Одни на вашей стороне, другие идут на поводу у французов и тех, кто больше заплатит, а бедная Польша расплачивается за их грехи. Князю Чарторыжскому надоело слышать попреки, вот он и приложил усилия, чтобы разыскать злодеев. Он давно подозревал Потоцких и немного погодя укрепился в подозрениях. Люди князя проследили, куда ввозится много меди, а затем помог случай – один из слуг Потоцкого сболтнул лишнего. А дальше клубочек распутать труда не составило, – похвастался проводник, очевидно сам участвовавший в этой операции.

Наскоро позавтракав холодной курятиной, гречневой кашей и пшеничными лепешками, отправились в путь. Миновали тракт и развилку, а затем, как и предупреждал пан Дрозд, забрались в лес. Стоило углубиться, и всякий контакт с цивилизацией был потерян. Мы оказались в такой девственной глуши, что стало казаться, будто здесь отродясь не ступала нога человека. Только дорожка, змейкой обвивавшая густые заросли, свидетельствовала об обратном.

Я с детства люблю лес, мне нравится бродить по тропинкам, думая о чем-то своем. Наверное, для нас, жителей среднерусских равнин, он значит то же самое, что для итальянцев Средиземное море, а для швейцарцев Альпы. Убери это – и жизнь потеряет немалую толику смысла и притягательности. В лесу можно найти пристанище, спастись, как моя бабушка. Ее и прочих жителей деревушки, находившейся в начале сороковых в глубоком немецком тылу, партизаны предупредили, что скоро придут каратели. Деревня в полном составе снялась с места и перебралась в сосновый бор. Целый год прожили они в землянках, пока не пришли наши. Все это время бор был укрытием, кормильцем и поильцем. Но лес лесу рознь. Вроде сейчас мы ехали по территории нынешней Белоруссии, которую я еще с советских времен привык считать своей, но этот лес почему-то казался чужим и враждебным.

Не знаю, что послужило причиной, но я вдруг почувствовал сильное беспокойство, будто вышел из дома и не могу вспомнить – выключил или нет газовую плиту. Губы сами расплылись в усмешке: где тот дом и та газовая плита! Они остались в недостижимом прошлом, а вот тревога... она никуда не делась. И вроде не настолько я мнительный человек, за валидол с корвалолом при всяком пустяке не хватаюсь, а вот поди ты! Никак не могу унять подозрительную дрожь в ногах и успокоить разогнавшиеся насосики сердца. Может, для храбрости сделать глоток из походной фляжки Михайлова, в которую предприимчивый гренадер налил не колодезную водицу, а вино, думая, что мне ничего не известно? Нет, так поступить – все равно что расписаться в бессилии. По себе знаю – стоит только начать, и потом уже сам будешь искать подходящий повод. К курильщикам это тоже относится.

Ширины проезжей части хватало впритык для одной телеги. Колея не была разбитой, ездили по ней нечасто. Похоже, только таким путем раскольники изредка выбирались во внешний мир. Лошади медленно брели по лужам, образовавшимся после вчерашнего дождя, сбрасывая с копыт комки грязи. На разговоры не тянуло, приуныл даже разбитной пан Дрозд.

Я боялся, что лошади могут поскользнуться и повредить ноги, однако пока обходилось. Мы медленно, но верно продвигались. Пейзаж не радовал разнообразием: деревья, кочки, покрытые мхом, поваленные ветки. Иногда приходилось спешиваться и расчищать дорогу.

День выдался солнечным, однако падающие лучи не могли высушить лужи и грязь. Ветер гонял по небу барашки облаков. Пахло влагой и свежестью, над травой витал густой грибной аромат, хоть суп из него вари. Дышалось легко и свободно. Я вдруг вспомнил разноцветные тучи над моим городом, факелы, вырывающиеся из заводских труб, удушливую копоть выхлопных газов и промышленных выбросов. Что ни говори, испоганили мы природу.

К полудню лес поредел, впереди показался просвет.

– Стойте! – сказал пан Дрозд, подняв руку. – Мы почти на месте. Всем сразу нельзя, могут увидеть.

Я велел гренадерам укрыться в зарослях, а сам с проводником отправился на разведку. Шляхтич прав, вряд ли здешние обитатели обрадуются незваным гостям, могут на рогатины поднять или пристрелить. Хотя и не любят староверы брать в руки огнестрельное оружие, но один-другой нарушитель канонов обязательно найдется. Я русскую породу хорошо знаю, сам такой. А уж как воевать с ними не хочется, все же это гражданские, их полагается защищать, а не лишать «живота». Понятно, что для них я еретик, гладковыбритый и неправильно молящийся отступник-щепотник, которого и сжечь – душе на пользу. Но значит ли это, что мне надо начинать убивать первым? Надеюсь, нет.

Мы осторожно выглядывали из-за деревьев, пытаюсь получше рассмотреть место.

Деревня староверов начиналась сразу за лесом. Сначала шли хозяйственные строения: амбар, сушилка, сараи с навесами, кузня с курящимся дымком. Из приоткрытых дверей доносились удары молотком и характерный звук раздуваемых мехов. Чуть дальше обретался

загон для скота, обнесенный почерневшими жердями. Он пустовал, стадо было на выпасе. Уже потом шли ладно построенные избы с квадратными окнами, затянутыми бычьими пузырями. На крыше каждой красовалась печная труба – топить по-черному местные, очевидно, считали ниже своего достоинства. Избы лепились к серо-зеленой ниточке не то маленькой реки, не то ручья. Разумеется, не забывали деревенские и о душе: почти у самой водной глади была выстроена часовенка.

Людей мало, разве что прошли две одинаково одетые женщины в длинных черных юбках, холстяных кофтах, в обязательных платках. Потом улочка стала оживать: с крыльца грузно спустился крепкий косматый мужик в посконных портах и серой рубахе, на голове войлочный колпак, взялся за колун и с громким хэканьем принялся колоть дрова. На стук выглянул замшелый дедок, затряс жидкой бородой, опираясь на палочку, добрел до лавки, тяжело опустился на нее и стал греться на солнышке. От речки поднимались мальчишки с удочками на плечах, в руках ведерки. Дед окликнул их, и пацаны, уцепившись за сапоги, стали его разувать.

Вполне мирная деревенская жизнь, никаких признаков тех, ради кого мы сюда примчались.

– Где фальшивомонетки? – тихо спросил я.

– Вон там, у реки, – показал шляхтич. – Видите дом возле запруды?

Я присмотрелся и действительно сумел разглядеть у реки высокий сруб, к которому было приделано колесо наподобие мельничного. Под действием воды оно вращалось, приводя в действие хитроумный станок. Можно сказать, научная организация труда, неплохо придумано.

Подпольная фабрика не простаивала, принимала сырье. Высокий лобастый мужчина разгружал с телеги мешки, второй – ростом пониже, складировал их внутри «мельницы». Раза два оттуда слышалась недовольная гортанная речь, похожая на искаженный немецкий. Кто-то сильно негодовал по поводу некачественного сырья, грозился бросить все и податься на родину.

– Похоже, это не раскольники, – сказал я.

– Все верно, раскольников среди них нет. Там работает мастер-голландец и с ним двое подручных, кажется из Литвы, – объяснил пан Дрозд.

– Голландец?! – хмыкнул я. – Откуда он взялся?

– Потоцкий где-то разыскал. Голландцу на родине смертная казнь грозила, он и подался в бега, а тут ему навстречу пан Потоцкий с деловым предложением.

– А как староверы на чужаков смотрят? Неужели терпят?

– У них договоренность с Потоцким. Тот их к себе на землю пустил, русским войскам не выдал, а они за то голландца с его помощниками охраняют.

– И что, никаких ссор, конфликтов?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – покачал головой шляхтич. – Живут как-то, значит, ладят. Соответственно, и подобраться к этой «мельнице» трудно. Вы не смотрите, что народу мало, стоит только всполошить деревню, и будет уже не протолкнуться. А мужики тут суровые, горячие, им терять нечего. Возьмут нас в оборот, только перья полетят.

Пан Дрозд с улыбкой потрогал перо на рысей шапке.

– Верно, – согласился я. – Задача непростая. А что, если мы нападём с другой стороны – переберемся через речку и возьмем на шпагу?

– Не советую, там очень топко. Болотина, – пояснил шляхтич.

– Откуда вы это знаете?

– Я здесь бывал еще в те времена, когда никакими русскими и не пахло, охотился. Чуть егеря не потерял, его в трясину угораздило свалиться, едва вытащили.

– Понятно, – кивнул я. – Возвращаемся, будем мозговать.

Гренадеры смогли найти безопасное укрытие вдали от дороги. Мы едва не прошли мимо, и только тихий, адресованный нам окрик Чижикова помог найти убежище. По пути у меня наклюнулись кое-какие идеи.

Брать фальшивомонетчиков решили к вечеру, когда начнет темнеть. Михайлов осторожно подкрадется к амбару и запалит его. Дерево сухое (специально проверили), на крыше солома, должно заняться моментально, полыхнет так, что мало не покажется. Деревенские отвлекутся на пожар, прибегут, начнут тушить, а мы тем временем на рысях подскочим к «мельнице», разберемся с голландцем и его командой, взорвем предусмотрительно взятым в дорогу бочонком с порохом, оборудованное и быстро назад, пока не увязалась погоня.

Я перед отъездом получил небольшую консультацию у чиновника Монетного двора Тимофея Пазухина. Он советовал в первую очередь изъять и доставить в Петербург как доказательство нашего успеха маточники – болванки из закаленной стали, с помощью которых наносились изображения и надписи на специальные цилиндры – чеканы, а уж с последних непосредственно и чеканились монеты. Такой удар будет непоправимым. Для нового маточника потребуется опытный мастер, набивший руку на изготовлении клише, а их не так уж и много. К примеру, Потоцкому пришлось прибегнуть к услугам голландца. К тому же количество желающих резко убавится, когда потенциальные фальшивомонетчики узнают о судьбе предшественников.

Карл предложил взять с собой голландского мастера и доставить в Петербург, где тот мог бы дать показания, но я, скрепя сердце, объяснил, что злоумышленников придется перебить. Михайл дал понять, что эту часть операции он возьмет на себя.

– Хоть граница недалеко, везти с собой пленного слишком опасно, – сказал я. – Я вашими жизнями рисковать не хочу.

– А может... – заговорил Карл, но я прервал его решительным:

– Нет! Даже не думай!

Кузен обиженно поджал губы. Ему не нравилось, что я не взял его с собой в разведку, и он до сих пор дулся на меня как ребенок. Мне же хотелось, чтобы Карл добрался до Петербурга живым и здоровым, как, впрочем, и все из моего отряда.

Перекусив вялым мясом и сухарями из запасов, принялись дожидаться вечера. Чтобы скоротать время, легли спать, оставив на часах Михайлова. Ему предстояла самая легкая часть операции: устроив поджог, он должен был вернуться и ждать нас на этом месте.

Пан Дрозд и гренадеры дрыхли без задних ног, я поворочался и тоже заснул. И снилась почему-то всякая ерунда – объятый пламенем дом, трое погорельцев, среди которых девочка, отправившая меня напрямик в пекло за щенком по кличке Митяй. Я увидел ее благодарные глаза, девушка набрала полную грудь воздуха и голосом Михайлова сказала:

– Просыпайтесь, господин сержант. Пора вставать.

Одевайся, умывайся и на дачу собирайся... Хотя какая там дача! Или я брежу спросонья? Нет, не зря говорят, что накопленная усталость хуже СПИДа. Устал я, ничего не попишешь.

– Встаю, спасибо. – Я потянулся и спросил: – Остальных хоть разбудил?

– Как не разбудить, разбудил. Я и их самыми первыми на ноги поднял, вам чуток доспать выпало. Кто знает, удастся ль еще седни глаза сомкнуть.

– Главное – не навсегда их закрыть.

– Скажете тоже, господин сержант! – испуганно охнул гренадер.

– Шучу, Михайла, шучу. Самому жить охота.

И это мягко сказано. Нет, смерти я не боюсь, в конце концов, ее не минуешь и глупо бояться того, через что рано или поздно (лучше поздно) пройдут все. Но надышаться хочется.

Я плеснул на лицо водицы, сгоняя остатки сна, размял затекшие конечности и с удовольствием зевнул. Вечерело, еще немного, и станет темным-темно, будто кто-то в небесных сферах в целях экономии выключит свет. Михайлов, который из всей нашей компании выглядел наиболее свежим, изготовил факел, с помощью которого мы собирались запалить амбар. Для этого он связал вместе пучок сухих березовых лучин, обмотал верхнюю часть паклей и облил лампадным маслом. Нашарив в кармане огниво, выкрасал мертвенно-синий, колыхающийся на ветру огонь, полюбовался, будто на красну девицу, и, затушив, произнес:

– Господин сержант, я пошел.

– Давай, не подведи, – напутствовал я его.

– Храни нас Господь, – перекрестился Михайлов и, ступая легко, по-кошачьи, исчез в кустах.

Мы сели на лошадей и стали дожидаться сигнала. Лошадь подо мной дрожала, я похлопал ее по крупу и ласково сказал:

– Потерпи, милая, немного осталось.

Она благодарно фыркнула и затрясла большой головой.

Полыхнуло здорово, огненное зарево взлетело до облаков. Послышались крики – мужские и женские, сначала изумленные и близкие к панике, но почти сразу прекратились. Кто-то, оценив обстановку, уже начинал отдавать короткие, но дельные распоряжения.

– Молодец Мишка, справился, – удовлетворенно отметил Чижииков.

Его ноздри раздувались в предвкушении хорошей драчки. Он хлопнул по щеке, оставив на небритой коже кровавый след, выругался:

– Разлеталось комарье. Живьем сожрут, не подавятся.

– Ничего удивительного: болото рядом, – снизошел до ответа пан Дрозд и посмотрел на меня.

В его глазах ясно читался немой вопрос: пора?

– Поехали, – сказал я и ударил по бокам кобылицы коленками.

Сильное тело лошади устремилось вперед, землю тряхнуло под ударами копыт, порыв ветра перехватил дыхание. Эх, хорошо! Никогда бы не подумал, что с таким азартом понесусь навстречу опасности. Надо родиться поэтом, чтобы описать восторг и упоение, охватившие меня в этот миг.

Дорога уходила за спину. Лошадь мчалась быстрее пули. Я пригнулся к холке, чтобы не угодить под хлещущие ветки, прищурился, вцепился в поводья со всей силы, пытаюсь не вылететь из седла, слиться с могучим животным в одно целое. Стоит брякнуться на землю – пиши пропало: разгоряченные скакуны вмиг растопчут копытами.

Все было как во сне. Лес наполнился шумом, скрипом, треском, ревом. Ветер свистел в ушах. Шуршала сминаемая трава. Мимо, будто картинки в калейдоскопе, проносились деревья, некорчеванные пни, непонятные, похожие на каких-то монстров из фильмов ужасов образы. Фантазия, подстегиваемая бешеным темпом, выдавала одну чудовищную фантазмагорию за другой. Гренадеры вскриками поощряли лошадей, и те послушно неслись в озаренную всполохами горящего амбара деревню.

Жители были слишком заняты пожаром, мы вылетели на опустевшую улочку под радостный лай деревенских собак, которым и без нас хватало развлечений. Встречных почти никого, только молодуха, спешившая с коромыслом на огонь, с криками заскочила в избу и больше не показывалась.

Я прискакал первым, спрыгнул с коня и с обнаженной шпагой бросился к дверям, слыша за спиной взбудораженное дыхание Карла и Чижиикова. Гренадеры отставали от меня на считанные секунды.

– Ну, держитесь!

Я с разбегу врезался в дверь, она неожиданно легко поддалась, слетела с петель. Меня по инерции пронесло вперед, я ввалился в дом прямо на сорванной двери, не удержался на ногах и упал, придавив что-то мягкое. Это оказался один из фальшивомонетчиков. Не обращая внимания на его жалобные вопли, вскочил и ринулся дальше. По бедолаге, распластанному на полу, пробежали гренадеры и пан Дрозд. Они ворвались, и в комнатухе враз стало тесно. Потолок был высоким, как раз для моего роста, а вот о шпаге пришлось пожалеть почти сразу, размеры помещения делали метровый клинок неудобным оружием.

Голландец, толстенький, на маленьких ножках, при свечах рассматривал монеты свежей чеканки. Наверное, все шло как надо, он довольно кивал. Парика на нем не было, и лысая голова походила на облетевший одуванчик. Вот уж не знаю, каким ветром унесло его волосы.

Завидев меня, толстяк подпрыгнул с лавки как ужаленный. Подслеповатые глаза округлились, лицо побледнело.

– Что такое? – истерично крикнул он.

Видимо, слишком увлекся работой или из-за бедлама, творящегося по причине пожара, не обратил внимания на посторонний шум. Вот и попался, голубчик, аккурат на месте преступления, еще и с поличным. Мечта прокурора, и только!

Рассчитывать на чью-то помощь голландцу уже не стоило. Один из подручных лежал под дверью и не подавал признаков жизни, второй отсутствовал, и мне ужасно хотелось выяснить, где он.

– Возмездие по делам вашим, – не вдаваясь в подробности, сказал я. – Где маточники и чеканы? Отвечайте быстро...

– О чем вы говорите? Какие маточники? – начал запираяться голландец, но кулак Чижикова мигом превративший нос иностранца в окровавленную кашу из мяса и костей, заставил его прекратить волюнку.

Воя от боли, мастер извлек на свет божий все, что мы требовали.

– Вот и чудненько. – Я положил маточники в карман, нашарил взглядом кузнечный молот и приказал Чижикову расплющить чеканы. Гренадер поплевал на ладони, взял в руки молот и в два удара привел главную ценность фальшивомонетчиков в негодность.

Так, с первым делом покончено, теперь начинается самое неприятное. Я нервно сглотнул. Ужасно хотелось оттянуть неминуемое, но я не имел на то ни малейшего права. Каждая секунда задержки могла привести нас к фатальным последствиям.

Зато ребята мои держались молодцом. Карл устраивал поудобнее бочонки с порохом, Чижиков доламывал станок, пан Дрозд оставался наблюдателем, посматривал в окно, следя за улицей и брошенными без охраны лошадьми.

– Где второй помощник? – спросил я.

– На пожаре. Я велел ему помочь жителем, – прижимая к носу шелковый платок, ответил голландец.

Я поджал нижнюю губу.

– Его счастье.

Пан Дрозд оторвался от оконца.

– Барон, заканчивайте. Сюда валит толпа. Через минуту-две здесь будет многолюдно.

– Хорошо, – кивнул я. – Михай, приступай.

Поляк с кривым, похожим на турецкий ятаган кинжалом шагнул к голландцу. Тот затрясся мелкой дрожью, упал на колени, испуганно спросил:

– Герр офицер, что вы собираетесь со мной сделать?

Голландец, шестым чувством определив во мне военного, пытался вымолить пощаду, не зная, что все его усилия тщетны. Я был не вправе оставить его в живых, иначе вся наша

поездка теряла смысл, история с изготовлением фальшивых денег могла повториться снова и снова. Ушаков нас не простит... а вот смогу ли я простить себя за то, что сейчас произойдет?

Стало грустно и противно. Все же человек – не скотина, чтобы вот так расставаться с жизнью. Я отвернулся. Нет, не могу на это смотреть, это выше моих сил. С трудом проглотил комок вязкой и неприятной на вкус слюны.

Хоть я давно не боюсь смерти и привык ко многим неприятным вещам, все равно бойня, пускай даже справедливая, вызывает во мне ощущение подлости. Наверное, сцену казни можно было бы обставить как в фильмах, сделать хоть какое-то подобие законности: зачитать приговор, сослаться на авторитеты и законы, прежде чем привести его в исполнение, но тратить время, которого в обрез, таким образом – дорогое удовольствие. Я уставился на бревенчатые стены и, закусив губы, ждал. Тихий хрип, переходящий в бульканье, осторожный звук опускающегося тела, шипение, будто из проколотой шины.

– Готов, – послышалось за спиной.

Голландец лежал на скрипучем деревянном полу, из окровавленного горла, пузырясь, вытекала черная кровь.

– Спаси и сохрани, – прошептал Чижиков.

Ему тоже было не по себе. Карл вытирал рот платочком, юношу слегка подташнивало. Выходит, не один я такой впечатлительный.

С другой стороны, сколько себя помню, я всегда ратовал за смертную казнь. Пусть говорят, что преступники ее не боятся, что число разбоев и убийств от ее введения не уменьшится, но, по-моему, всякой сволочи и подонкам нечего делать на этом свете. Они опасны уже самим фактом своего существования. Да, можно запереть их навсегда в тюрьму, тратить на содержание и охрану немалые деньги, но кто даст гарантию, что рано или поздно какое-нибудь исчадие ада не окажется на свободе и не начнет снова убивать? Уверен, никто. Рано или поздно бегут даже из самых надежных тюрем.

Скажите, во мне говорит трусливый обыватель, опасющийся за личный уютный мирок. Не стану спорить. Да, так оно и есть. Наше общество несовершенно и никогда не станет идеальным, приходится многого опасаться. Поэтому профессия палача останется востребованной навсегда. Но вот оказаться в его шкуре я не пожелаю никому. Очень трудно лишить жизни человека, который вроде бы ничем не угрожает тебе. Очень!

Михаю, наверное, было легче. Он мстил за едва не погубленную жизнь, за боль, унижение и муки, за испытанный страх. Бывший холоп, человек, которого я считаю другом, был справедлив в своей мести.

Он подошел к придавленному дверью, присел на корточки, пощупал жилку на шее и тоном заправского лекаря констатировал:

– Этот тоже преставился.

Вот и все. Задачу мы выполнили, но почему тоска с такой страшной силой сдавила мне сердце?

– Уходим отсюда, – приказал я, стараясь не смотреть на трупы.

Карл натрусил порохом дорожку, ведущую к заложенному бочонку. Мы вышли из сруба, сели на коней. Кузен поджег просмоленную щепку и бросил ее, отделившись на безопасное расстояние, да так ловко, что дорожка занялась огнем, устремившимся в черную глубину провала выбитых дверей.

Бахнуло не хуже, чем в голливудских фильмах, – с огнем, треском, аж уши заложило. Земля заколебалась, приют фальшивомонетчиков развалился как картонный домик. Пыхнуло жаром. Языки пламени охватили «мельницу» со всех сторон. Огонь жадно пожирал остов и тела тех, кто остался погребенным под рухнувшей крышей. Мы тупо глядели на пламя, не двигаясь с места.

Чижиков снял треуголку:

– Ну вот, полетели души христианские прямиком к ангелам.

– И нам пора, только в другую сторону, – хрипло произнес пан Дрозд, косясь на нестройные ряды все прибывающих местных.

– Пора, – согласился я и первым направил кобылицу вперед.

Мы с гиканьем пронеслись мимо толпы опешивших староверов, не ожидавших от нас такой прыти. Вдруг Чижигов замедлил ход, развернул коня и что было сил прокричал:

– Простите нас, люди добрые!

Глава 5

– Н-но, милая, не выдавай!

Быстро, еще быстрее, пока никто не опомнился, не организовал погоню, не заставил губить невинные христианские души. На сегодня смертей достаточно. Михай утолил жажду крови, насытился, а я... я не хотел убивать. Это только в кино убийство выглядит просто и эффектно. В реальной жизни есть место моральным терзаниям, совести, наконец. Неужто мне так и не суждено зачерстветь? Ведь насколько легче живется тем, кто почти лишен эмоций, эгоистам, тем, кто думает только о себе любимом, о своей ненаглядной шкуре.

– Господин сержант, я тут! Подождите меня!

Конный Михайлов вылетел из кустов, присоединился к кавалькаде. Мы понеслись дальше, на безопасное расстояние, прекрасно понимая, что старoverы если и начнут погоню, то надолго их не хватит. Здесь нужен особый азарт, как у степняков, которые способны гнаться за удирающей добычей сутками, а то и намного дольше. Старoverы разъярены нашей выходкой, что есть, то есть, но это наши люди, близкие и понятные. Из тех, что, бросив взгляд на поруху, скорее всего плюнут и махнут рукой. Пара горячих голов, конечно, найдется, но этого для полноценной, организованной по всем правилам погони слишком мало. Да и вояки из старoverов еще те. Будут ожесточенно драться только в том случае, если другого выхода нет, когда припрут к стенке и ничего другого, кроме как хорошей драки, не останется. В мирное время это покладистые трудолюбивые люди, разве что с некоторым заскоком в том, что касается веры, но и их понять можно. С самого момента церковного раскола на старoverов давит государственная машина произвола, не каждый такое выдержит.

Но теперь все закончилось, мы вырвались из деревни.

Я вновь ощутил прилив сил, стало легко и радостно, будто не остались позади трупы, брошенные в горящем доме. Задание выполнено, теперь надо как можно быстрее преодолеть границу и назад, в Россию. За время, проведенное в Польше, я успел соскучиться по родине. Здесь все чужое, не мое. А дома... дома и стены помогают.

– Ляхи! – вдруг закричал Чижиков, сбивая ход моих мыслей.

– Где?

– Да вот же они, смотрите! Лихо несутся, собачьи дети.

Было темно, но тут луна-злодейка вышла из облаков. Округа оказалась как на ладони.

Навстречу мчались всадники, в которых с легкостью угадывались поляки. Я прикинул количество, навскидку выходило дюжины две ляхов, может, больше. Расстояние стремительно сокращалось, избежать столкновения лоб в лоб не представлялось возможным. Мы неслись в узком лесном коридоре, при всем желании не разъехаться. Заблестели клинки сабель. Ни ружей, ни пистолетов, паны в своем репертуаре. Только остро отточенные клинки, способные развалить человека вместе с седлом. Еще немного, и начнется рубка. Жаль, а ведь так хорошо все начиналось! Нет, с такой оравой нам не сдюжить.

– Стой! – крикнул я во всю мощь легких. – Прочь с коней! На землю, гренaдеры.

Мы спешили. Пан Дрозд с недоумением смотрел на приготовления. Он не знал, что мы гренaдеры, не понимал, чего от нас ждать. Жилы вздулись у него на лбу, в глазах застыло изумление.

– Гранаты к бою, – скомандовал я.

Мы действовали как на учениях: четко, слаженно, будто нет впереди ошестинившейся саблями оравы, словно вместо сверкающей стали нас ждут ужин и теплая постель.

– Гренaдеры, бросай с упреждением.

Запрыгал, заискрился фитиль бомбы, я бросил что было сил заряд, стараясь подгадать время взрыва, чтобы рвануло не сразу, с задержкой. В таком случае мы выиграем лишнее

время. Расчет оказался точным: снаряд угодил под копыта первых лошадей. Взметнулся клубок черного дыма. Кто-то отчаянно завопил, будто попал на раскаленную сковородку. Душе-раздирающий свист разлетающихся осколков, дикое конское ржание, шум падения и треск ломающихся костей. Вопль радости вырвался у меня из груди.

Чижилов кинул одновременно со мной. Рванула вторая бомба, третья – брошенная Михаем.

– И эх! – Теперь Михайлов метнул гранату с такой легкостью, будто она весила как пушинка.

– Моя очередь, – выдвинулся вперед Карл.

Он поджег фитиль, бросил.

Отряд поляков вновь окутало черным туманом, правда ненадолго. Порыв ветра быстро развеял клубы дыма. В рядах нападавших началась свалка. Творилось нечто невообразимое. Я видел, как раненые лошади пытаются сбросить седоков, бросаются из стороны в сторону, падают. Как окровавленные всадники в бессильной ярости стараются прорваться, но у них ничего не выходит. Узкая дорога стала смертельной ловушкой.

– Теперь палим из всего, что стреляет, – закричал я, хватаясь за пистолеты.

Картина Репина маслом – избиение младенцев. Бух – свинцовое жало вылетело из ствола, нашло жертву. Мертвый поляк свесился с лошади, выпустил саблю. Я взялся за второй пистолет, не целясь, нажал на спусковой крючок. Руку подбросило, пуля чиркнула по кроне деревьев, посыпались листья. Драгоценный заряд пропал впустую. На миг стало обидно. Это ведь не кино, где какой-нибудь Рэмбо полфильма лупит из пистолета, не меняя обоймы. Это жизнь, где патроны заканчиваются, а вместо клюквенного морса течет взаправдашняя кровь.

– Твою мать! – выругался я, отбросив ненужные пистолеты, и стал снимать с плеча карабин.

Чижилов, стоя на колене, бил в людскую массу. Мы устроили на дороге кучу малу, в которой смешались живые и мертвые. Уцелевшие поляки отстреливались, но как-то вяло. Они явно не ожидали, что получают сильный отпор. Однако их все равно оставалось слишком много. Некоторые, спешившись, пытались к нам пробиться, и только летящие пули сдерживали их натиск. Я пожалел, что под руками нет пулемета. Хоть бы какой-нибудь завалящийся «Максим». Я бы тогда скосил всех к такой-то бабушке. Однако технический прогресс еще не продвинулся столь далеко, и люди уничтожали себе подобных с помощью куда более примитивных приспособлений.

Все, я шлепнул из карабина слишком ретивого поляка и с сожалением опустил ружье. Перезаряжать некогда. Враги находились метрах в тридцати от нас, мне просто не успеть проделать кучу необходимых манипуляций. Остальным гренадерам тоже. Никто не даст нам минуту-другую передышки, это непозволительная роскошь. Если поляки сейчас рванут всем скопом, то просто задавят нас массой. Начнется рубка с вполне предсказуемым финалом. С таким количеством противников нам не справиться. Прежде чем сойтись в рукопашной, стоит истребить как можно больше неприятелей, тогда появится хоть какой-то шанс победить. Пистолеты и ружья были разряжены, но у нас еще оставались бомбы. Не все так плохо, господа гренадеры. Мы еще повоюем.

– Забрасывай их гранатами, – приказал я и первым полез в подсумок.

Краем глаза уловил какое-то движение – сабля пана Дрозда взметнулась в воздух и едва не опустилась на голову кузена. Не знаю, каким чудом мне удалось отбить руку предателя с занесенным клинком, лезвие ушло в сторону, но все же слегка задело Карла. От неожиданности он закричал, выпустил гранату. Она свалилась на землю, запрыгала, грозя разнести все вокруг. В почти сомнамбулическом состоянии я поддел ее ногой, как футбольный мяч,

и граната улетела с дороги, взорвалась, не причинив никому вреда, разве что повалилось посеченное осколками молодое деревце.

– В чем дело, пан Дрозд? Вы с ума сошли? – закричал я.

– Защищайтесь!

Пан Дрозд с хищным оскалом шагнул ко мне, поигрывая саблей, никто, кроме меня, не догадался, что он уже на другой стороне и собирается нанести удар в спину. Я понял, что драгоценное время уходит, что схватка с неожиданным противником обрекает мой отряд на поражение – драться на два фронта у нас не выйдет. Мы оказались столь уязвимы.

– Зачем? – только и успел произнести я.

И почти сразу нас смяли поляки. Я увидел раздувающиеся ноздри коня, яростный взгляд шляхтича, который приехал вместе с паном Дроздом и был якобы отправлен им обратно... а потом пришла темнота.

– Еще воды, – прозвучало над ухом.

Тело пронизало тысячами маленьких ледяных игл, свело судорогой, я часто задышал и открыл глаза.

– Очухался, – произнес знакомый голос, принадлежавший пану Дрозду.

Я лежал на пожухшей траве, промокший до нитки, руки и ноги связаны. Чуть подальше находились остальные.

Мы были на лесной опушке, розовые сполохи зари свидетельствовали, что наступило утро. На костре готовился завтрак, в воздухе витал запах варившейся каши. Избитый желудок скрутило, я едва не взвыл от боли. Кажется, меня приложило как следует, жаль, непонятно когда – в тот момент, когда сбило лошадью, или добавили потом, валявшемуся без сознания. Второму варианту я бы не удивился, мы отправили на небеса немало поляков, оставшиеся в живых могли жаждать нашей крови на вполне законных основаниях.

– Долго ты в себя приходил, барон, – сказал красный от злости Потоцкий.

Не помню, чтобы шляхтич находился в рядах атакующих, да и вряд ли здоровье могло ему это позволить. Дуэль с Карлом даром не прошла.

Поляк был ранен и с трудом держался на ногах, но все равно стоял прямо, как надгробный памятник. Кто знает, вдруг это и впрямь последнее, что мне доведется увидеть в этой жизни. Хотя, если бы хотели убить, давно бы так сделали, или им нужно, чтобы я находился в полном сознании? Справа ухмылялся пан Дрозд, его улыбочка была ненатуральной, как у клоуна в плохом цирке.

– Паскуда, – протянул я и плюнул в его сторону.

Улыбочка сползла с лица шляхтича, он схватился за рукоять сабли, но Потоцкий положил ему руку на плечо, заставив отказаться от намерения разрубить меня на две части.

– Успеешь, ясновельможный пан. Он нужен живым.

Не скажу, чтобы мне понравились его слова. Бывают вещи похуже смерти.

– Мой кузен, как он себя чувствует? – спросил я.

– Ранен, но не смертельно. Другие тоже пока двумя ногами стоят на этом свете. Знали бы вы, каких трудов мне это стоило! Мои люди едва не выпустили им кишки.

Я облегченно вздохнул:

– Спасибо, что сохранили наши жизни, пан Потоцкий.

– О, пустяки, не стоит благодарности. – Шляхтич спрятал в усах усмешку. – У меня на вас далеко идущие планы. И не только у меня.

– А у кого еще?

– У князя Чарторыжского.

Услышав имя влиятельного магната, которого генерал Ушаков называл другом и союзником России, я удивился, но постарался скрыть удивление. Мне раньше казалось, что при-

чиной провала было предательство пана Дрозда, однако упоминание столь громкой фамилии наводило на мысль, что разыгранная комбинация куда сложнее.

– Что вы собираетесь с нами сделать? – тихо спросил я. – Будете просить у наших родных выкупа, как делают басурмане? Заранее хочу предупредить – вряд ли за нас можно выручить хорошие деньги. Мы с кузеном из небогатых семей.

– Мы не татары, мы смиренные католики и не торгуем людьми благородного сословия. Все, что я хочу, – отвезти вас крулю, пусть он узнает, что вы, москвиты, творите на польской земле настоящее непотребство, – объявил Потоцкий. – Пора открыть глаза Августу. Пускай Польша слаба, но в союзе со Швецией и при дружественной поддержке Франции мы можем вновь оказаться в Московском кремле и оттуда управлять дикарской Московией. К тому же ваша императрица слишком занята войной с турками. Главные ее войска гибнут в Крыму. Грех не воспользоваться столь подходящим случаем, барон.

– Вам нужна война?

– Ошибаетесь. Война нужна не мне, война нужна Польше. Слишком долго шляхта терпела унижение. Если Август струсит, что ж, тогда найдется другой король – Станислав. Он поведет нас на Московию, шляхта как один встанет под его хоругви.

– Допустим, – зло бросил я. – Но что, если мы расскажем королю Августу о том, что вы делаете фальшивые русские деньги? Это серьезное преступление, пан Потоцкий, очень серьезное, по головке за него не погладят, даже если ваш род восходит к самому Адаму. Не думали об этом, ясновельможный пан?

– Как вы смеете бросаться такими обвинениями!? – притворно возмутился Потоцкий. – Моему фамильному гербу нанесен урон, и если бы не важность дела, поверьте, я бы потребовал от вас удовлетворения. Ежели вы у круля заявите о фальшивых деньгах, я сразу скажу, что в первый раз о том слышу, зато о другом ведаю и могу доказать. Знаю, что вы ворвались на мои земли, сожгли мельницу, убили моих холопов. Нужны доказательства, барон, а у вас ничего нет. Зато у меня их полно.

Похоже, шляхтич разыгрывал неплохую комбинацию, достойную византийских императоров. Нападение на деревню староверов, бой со шляхтичами могли привести к международному скандалу, который был на руку как полякам, так и шведам. Первые точат на нас зубы уже не одно столетие, вторые жаждут реванша за поражение в Северной войне. И неважно, что король Август оказался на троне благодаря вмешательству русских штыков. Не хочешь зла, не делай добра, гласит народная мудрость.

– Если думаете, что нанесли мне большие убытки, поверьте, я не держу на вас зла: рано или поздно все равно надо было прекращать это не очень достойное занятие. С каждым годом оно становилось все опасней и опасней, – продолжил Потоцкий. – А тут вы свалились, будто манна небесная, помогли замести все следы и убрали опасных свидетелей. Да я молиться на вас должен, барон! Вдобавок ваш визит поссорит Августа с Московией. О лучшем я даже не смел мечтать!

Я попробовал откреститься от принадлежности к русским:

– С чего вы решили, что мы москвиты? Я и мой двоюродный брат Карл фон Браун – курляндские дворяне и не имеем никакого отношения к Московии. Да, наши слуги русские, мы наняли их в Петербурге, но что в этом особенного? Разве здесь не принято иметь слуг-москвитов?

– О, москвиты только на то и годятся, чтобы быть в услужении. Но не в ваших слугах дело, барон. К несчастью для вас, мой друг, пан Сердецкий, случайно вспомнил о бывшем сослуживце, бароне фон Гофене. Вы, если не ошибаюсь, числитесь в гвардейском Измайловском полку, ваш кузен тоже. Для Августа этого будет вполне достаточно.

– Но почему вы предали нас, пан Дрозд? – с тоской спросил я.

– Я?! – изумился проводник. – Никого я не предавал. Я честно служу Польше и князю Чарторыжскому, а он до сих пор в превеликой обиде на вашу страну. Думаете, он не забыл драгунского капитана Шишкина, который сжег его замок, а самого князя вместе с женой и детишками раздел донага и на жутком холоде пинками погнал до соседней деревни? Не помогли даже охранные грамоты, лично выданные фельдмаршалом Минихом. Такое не прощается, барон.

– Произошло недоразумение, капитан перепутал князя с магнатом Рудзинским, за это виновника расстреляли, – с жаром произнес я. – История известная, но можете быть покойны: преступник понес наказание.

– Наказание?! – всплеснул руками пан Дрозд. – Ушам не верю! Вы отчаянный шутник, фон Гофен. Страна, которой вы служите, не знает законов чести и не держит слова. Да, я говорю о России, барон. Я давно убедился, что москвиты не имеют стыда и совести. Не спору, вашего капитана приговорили к аркебузированию, однако по секретному приказу Миниха вместо него убили поляка, а самого капитана тайком вывезли из Польши, разжаловали в прапорщики и оставили служить в Ревельском гарнизоне. Такое вот «наказание».

– Откуда вы это знаете? – спросил я, догадываясь, что пан Дрозд не лжет, уж больно убедительным был он в своей неистовости.

– Потому что я сам ездил в Ревель и своими глазами видел там капитана, – мрачно ответил шляхтич. – Я хотел убить его, но меня удержали. Так что князю Чарторыжскому не за что любить москвитов, а уж мне и подавно.

Глаза поляка налились кровью.

– Вместо капитана Шишкина погиб мой брат. Его расстреляли русские и похоронили под чужим именем. За это я ненавижу проклятую Московию и готов рвать на части любого, кто встанет на моем пути. Повернется ли у вас язык назвать меня предателем?

Мне нечего было ему возразить.

Глава 6

Проклятый Чарторыйжский переиграл Ушакова и обвел нас вокруг пальца. Вляпались мы хуже некуда, хоть обратно не возвращайся. Подстава так подстава, по всем правилам: с международным скандалом и, что самое отвратительное, с перспективой войны. Момент и вправду подгадан удачный: русская армия сражается с турками; войско, оставленное на границе со Швецией, малочисленно. Если кто-то думает, что мы шведов шапками закидаем, боюсь, его ждет сильное разочарование. Потомки викингов драться умеют, не зря Карл XII держал в страхе пол-Европы и давал прикурить Петру Первому. Припомним нам и Нарву, и Полтаву. Это потом они присмирят, займут нейтралитет, начнут выпускать сверхбезопасные «вольво» и «саабы» и давать гражданство неграм.

Будем смотреть на вещи реально. Поляки и шведы на нас обижены, первые – начиная с осады Гданьска-Данцига, вторые злятся из-за утраченных в Северной войне территорий и позора проигранной войны. Вместе они большая сила. Если нанесут одновременные согласованные удары с двух концов, а французы обеспечат дипломатическое прикрытие и подкинут денег, чья в итоге возьмет – неизвестно.

Нет, я, конечно, патриот, но не слепой же. На генерала Мороза и бескрайние российские просторы всю жизнь полагаться не стоит. Нужна армия, а она большей частью увязла в Крыму.

Так что наше пленение может стать той каплей, что переполнит чашу терпения двух стран и вызовет войну. Неприятно, конечно.

Если раскинуть мозгами, собственно, нашей вины нет. Операцию готовил Ушаков, нам только «нарезали» задание, и мы его выполнили. Все было бы хорошо, но тут вмешался непредвиденный фактор – предательство оскорбленного князя Чарторыйжского, с самого начала посвященного в детали. Я понимаю, что Ушаков, вероятней всего, не был в курсе того, что Миних из непонятных побуждений спас драгунского капитана Шишкина и тем самым оттолкнул влиятельного польского магната. Задетый за живое князь переметнулся в лагерь противников и разыграл карту с фальшивомонетчиками. Что двигало прославленным полководцем? Какая муха его укусила? То ли, как американцы, привык считать, что проблемы индейцев (то есть поляков) шерифа не волнуют, то ли привык до конца отстаивать своих подчиненных, невзирая на прегрешения. Варианты перебирать долго.

Фельдмаршал забыл простую истину: все тайное становится явным. Как бы ни прятали драгуна, рано или поздно подлог обнаружится. История аукнулась спустя два с половиной года.

Но в России, как всегда, виноваты стрелочники, а за ними далеко ходить не надо. Я хоть сейчас по именам перечислю: дворяне Дитрих фон Гофен и Карл фон Браун, гренадеры Чижилов и Михайлов да бывший крепостной польского происхождения Михай. Такой вот расклад, из которого следует: единственный шанс разругать ситуацию – дать деру из плена.

Сам по себе плен не считается чем-то постыдным. Поляки, даже обозленные, ничего плохого не сделают, не то время. Это в двадцатом веке людей, словно скот, начнут сгонять в концлагеря, зажгут печи крематориев, будут практиковать массовые показательные расстрелы. Видимо, с развитием «цивилизации» в человеке начинает отмирать милосердие, не сочетается с ним научно-технический прогресс, и баста, ничего не попишешь. Золотой миллиард с жиру бесится, а по соседству люди от голода пухнут.

На мое счастье, я попал в восемнадцатый век. С пленными принято обращаться гуманно без всяких международных конвенций. Достаточно дать честное слово, что не сбежишь, и тебе развяжут руки и ноги, разрешат свободное перемещение. Мелькнула мысль поступить таким образом, а потом, при удобном случае, смыться. И тут же зашевелился

настоящий Дитрих, для которого нарушить слово дворянина немыслимое дело. Вот и приходится принимать решение за двоих.

Я стал осматриваться и прикидывать, как бы мне отсюда слинять. Ничего особенного придумать не удалось – плен, руки-ноги связаны. Полякам, разумеется, плевать, что у меня конечности уже затекли, но понять их несложно, крови мы им попортили. Наверняка человек восемь-десять убили или ранили.

Мы по-прежнему находились в лесу, заблудиться в котором пара пустяков. Поляки это прекрасно понимали. Дураков отправляться ночью в далекий и чреватый долгими скитаниями путь не нашлось. Все дожидались рассвета.

С первыми лучами солнца прибыла делегация из деревни староверов. Бородатые мужики били челом и просили выдать хотя бы одного из «щепотников». Сильнее всех усердствовал дедок, похожий на библейского патриарха. Он считался у староверов за главного. У него было благообразное лицо землистого цвета и кровожадный взгляд маньяка, способного резать на месте. Разговаривая, он не выпускал из рук длинный деревянный крест. Хотя при разговоре не прозвучало ни одной угрозы в наш адрес, я физически ощущал, как от старца исходят мощные волны зла.

– Христом-богом прошу, отдай нам хучь энтото. – Дедок повел крестом в мою сторону.

Я невольно подобрал ноги, сжался. Добра от раскольников ждать не стоило. Слишком много мы натворили в их деревне.

– Простите, святой отец. – Потоцкий улыбнулся. В его словах, особенно когда он называл старца «святым отцом», слышалась ирония. – Они мои пленные, я должен доставить их крулю.

– Ты взял пятерых, зачем тебе столько? – резонно спросил «патриарх». – Нам много не надо. На одного согласны.

– Верно, – закивали мужики.

– Не хочешь энтото отдать, любого выбери, – продолжил увещевать старовер. – На усмотрение свое. Нам без разницы будет.

Я почему-то в это поверил сразу. Пепел в любом случае одинаковый.

– А зачем, святой отец?

– Скверну хочу изгнать, – деловито разъяснил ситуацию старец. – Много в них скверны накопилось, земля-матушка стонет, плачет слезами горькими. Пусть в огне очистятся, грешники.

Вообще-то я придерживаюсь другого мнения насчет собственной персоны. Может, до идеала мне далеко, но вряд ли у меня накопилось грехов столько, что земля не держит. Готов побиться об заклад, зато этот святоша кого хочешь переплюнет. Уж кто-кто, а он точно заслужил раскаленную кочергу в одно место.

– Увы, на мне лежит долг перед королем и отечеством, – церемонно произнес шляхтич. – Я обязан выполнить его сполна. Не обижайтесь на меня, святой отец, выполнить вашу просьбу я не могу. Не стану вас больше задерживать.

Старец осенил его крестом, пропел что-то заунывное и со скорбным видом удалился. Раскольники последовали за ним, будто привязанные.

Мы облегченно вздохнули: бывшие соотечественники, с которыми у нас было расхождение по некоторым аспектам веры, слишком усердствовали с «огненным очищением», сжигая и своих и чужих за милую душу. Будь их воля, нас бы давно поджарили.

Кашевары известили, что еда готова. Поляки сели за завтрак, запуская по очереди ложки в чугунный котел, реквизированный в деревне. Раскольники иноверцев на постой не пустили, поэтому даже раненому Потоцкому пришлось ночевать под открытым небом. Для него на скорую руку соорудили что-то вроде шалаша, в котором он поселился вместе с Дроздом.

По соседству паслись расседланные кони, я разглядел среди них и свою кобылу. Верно, не пропадать же добру.

Нас оставили голодными, никому и в голову не пришло кормить врагов, от рук которых полегло немало товарищей. Трупы положили на подводы, изъятые у староверов. Одну приготовили для нас, даже рогожу постелили. На охрану поставили двух холопов в кунтушах, с ружьями. Они по очереди сбегали к кашеварам и теперь с видимым удовольствием посасывали трубочки и тихо переговаривались. Другие ляхи грелись возле костров, утро выдалось не по-летнему прохладным.

Я подкатился к Карлу, спросил, как он себя чувствует.

– Не волнуйся, Дитрих. Дыркой в шкуре больше, дыркой меньше, – беззаботно произнес кузен. – В любом случае я не собирался жить вечно, а там посмотрим...

– Все гораздо хуже, чем ты думаешь, – сказал я.

– Да? – удивился Карл. – Надеюсь, ты удовлетворишь мое любопытство.

– Без проблем. Пан Потоцкий в порыве откровения поделился планами. Они с Чарторыйским решили устроить небольшую мировую войну, и, кажется, у них может получиться. Нас доставят в столицу, покажут королю Августу, живописно обрисуют все детали – как мы с тобой напали на несчастных хлебопашцев, сожгли дома, убили ни в чем не повинных «крестьян» вроде того голландского мастера и его помощников, перестреляли кучу шляхтичей и их холопов. Свидетели, я думаю, найдутся... Потом докажут, что мы находимся на службе у русской императрицы – «спасибо» пану Сердецкому! Если Август не проникнется, на сцену выйдет Лещинский, того хлебом не корми, сразу вцепится. Накрутить шляхту – пара пустяков! Шведы, скорее всего, предупреждены заранее. Если поляки пойдут воевать, подключатся. Такие вот, брат, дела.

– Брось, Дитрих. Ты сгущаешь краски. Не будет никакой войны, – с сомнением сказал Карл.

– Да в том-то и дело, что не сгущаю. Потоцкий говорил совершенно серьезно. Ну подумай, какой смысл ему обманывать? Война сейчас выгодна всем, кроме России. Повод нашелся, осталось поднести огонь, и так полыхнет!

– Получается, что единственный способ избежать войны...

– Побег, – закончил я за него. – Не знаю, как ты, а я в гостях у пана Потоцкого долго задерживаться не намерен.

– Можно подумать, я в восторге от нынешнего положения, – фыркнул кузен. – Вот только удрать будет непросто.

Он устремил тоскливый взгляд на поляков.

– Что-нибудь придумаем, – пообещал я. – Обязательно надо придумать.

– Думай, – любезно разрешил Карл. – А у меня что-то голова разболелась.

Я кое-как сел, прислонившись спиной к колесу телеги, рядом пристроился Карл, сбоку от него расположились остальные. Видок у всех был еще тот: синяки под глазами, разбитые губы, размазанная по лицу кровь. Да, крепко досталось ребятам. Хорошо, хоть никто не погиб, но тому есть объяснение: Потоцкий на мизантропа не похож. Приказали взять живыми, вот он и старался.

Карл был более-менее в порядке, я решил выяснить, как чувствуют себя гренадеры:

– Рассказывай, Чижиков.

– Да что рассказывать-то? – удивился он.

– Самое главное: сильно тебя приложили?

– Руки-ноги целы, – ответил дядька. – Помяли разве чуток.

– Взяли тебя как?

– Обыкновенно: петлю набросили, собакины дети. У татарвы научились, теперича и православных энтаким манером ловят.

– А тебя, Михайлов, как взяли? – я переключил внимание на другого гренадера.

– Дык, как и вас, конем сшибло, ажно несколько шагов пролетел. Хорошо, в дерево не врезался, а то бы костей не собрали. Михайл дольше всех сопротивлялся, но ему тоже веревку на шею накиннули, чуть не придушили.

Я разглядел на шее поляка красный след от аркана, Михайл грустно пожал плечами – дескать, чего тут скажешь.

М-да, попали как куры в ошип.

Взгляд мой привлекла покачнувшаяся ветка, кусты бесшумно раздвинулись, и я увидел какого-то человека, который подал мне знак молчать, приставив указательный палец к своим губам. Стража, увлеченная беседой, не обращала на нас большого внимания, они даже перешли по другую сторону телеги, изредка проверяя, все ли на месте. Гренадеры тоже не заметили появления новой фигуры. Я легонько толкнул плечом Карла, он перехватил мой взгляд, увидел незнакомца, но ничем не выдал удивления.

Тем временем человек ловким движением бросил в мою сторону небольшой предмет. Это был нож, он беззвучно вошел в мягкую землю. Я извернулся, ухватился за рукоятку и перерезал путы, связывавшие Карла. Освободившийся кузен проделал то же самое со мной, и постепенно все гренадеры были избавлены от веревок. Несколько минут пришлось потратить на то, чтобы размять затекшие конечности. Наконец я решил, что нахожусь в сносной форме и способен на кое-какие физические упражнения.

Часовые продолжали беспечно трепаться, доносились обрывки фраз, короткие смешки. Хоть польский и русский языки считаются схожими, я в лучшем случае мог понять, что сторожа хвастаются успехами на любовном фронте. Ладно, братья-славяне, загостились мы у вас, пора и честь знать.

– Воды! – жалобно попросил я.

Никто из охранников и ухом не пошевелил. То ли не слышат, то ли не считают нужным реагировать на просьбы мелкого дворянчика, взятого в полон.

– Воды? – повторил я.

На этот раз громко и настойчиво. Наверное, и на другом конце леса слышали. Во всяком случае, совсем близко застучали сапоги, кто-то склонился, опираясь на дуло мушкета, и дыхнул смесью водочного перегара и табака, да такой сильной, что у меня чуть слезы на глазах не выступили.

– Воды, горло пересохло, – сказал я и тут же всадил в него нож.

Забавно, в этот миг угрызения совести отступили на второй план. Убивая этого поляка, я не чувствовал ничего, кроме упоения фактом хорошо проделанной работы. Интересно все же устроена наша психика: когда резали голландского мастера, я места себе не находил, а тут преспокойно ткнул ножичком, и хоть бы хны. Будто так и должно быть.

Зарезанный поляк и пикнуть не успеть. Он аккуратненько сложился пополам. Я уложил его на травку, отобрал ружье, с удовлетворением отметив, что оно заряжено. Сабля убитого досталась Карлу.

Мы действовали бесшумно, не привлекая внимания. В глазах кузена зажглось радостное предвкушение.

Мы бросились на второго охранника. Он так ничего и не понял. Карл рубанул с такой силой, что отделенная от туловища голова запрыгала в траву, будто мячик. Его оружие поделили между собой Чижики и Михайлов.

Еще один бросок, и короткая ожесточенная схватка. Застигнутые врасплох поляки ничего не могли поделать. Я не хотел переполошить весь лагерь, поэтому не стрелял и орудовал только прикладом мушкета. Мощным ударом опрокинул здорового шляхтича, похожего на разбойника. Он упал на спину и больше не вставал. Навстречу выскочил высокий бородач с пистолетом. Я с ужасом понял, что он успевает выстрелить. Черное дуло уста-

вилось мне в лицо, щелкнул взведенный курок. Томительный миг ожидания и... ничего. Осечка. То ли поляк не подсыпал на полку порошу, то ли заряд отсырел, но пистолет не выстрелил. Я перехватил мушкет за ствол, размахнулся и хорошенько врезал деревянным прикладом, как дубиной. Клацнули зубы, брызнула кровь. Противника снесло будто ветром.

Мы крушили поляков, били, топтали, увечили. Пускали в ход все. Карл отчаянно рубился с двумя шляхтичами, умудряясь не получить при этом ни одной раны. Писатели ради красного словца любят сравнивать фехтование с танцем. Ничего подобного, сабельная рубка похожа только на себя и ничего более. Нет никаких па-де-де, есть только отчаянная воля к победе, дикая ненависть к врагу и трезвая, холодная голова, помогающая опередить исход сражения. Всем этим Карл обладал в полной мере. Он решительно теснил врагов, выводя их из строя короткими стремительными движениями, практически неуловимыми для глаз.

Где-то поблизости бились другие гренадеры. Я только слышал предсмертные возгласы и хрипы гибнувших шляхтичей. Кто-то бросил мне в лицо слова проклятия. Я опустил на голову кричавшего мушкет, с хрустом проломивший основание черепа.

Откуда-то справа вынырнул Чижиков, он парировал удар сабли, предназначавшийся для меня, и нанес ответный укол, нанизав на острие клинка полноватого шляхтича с обезумевшим лицом.

– Будьте внимательней, пан сержант, – произнес гренадер и, не дожидаясь слов благодарности, ринулся вперед.

Я застрелил шляхтича, мчавшегося от шалаша, в котором ночевали командиры отряда, в горячке боя не сообразив, что мишенью послужил не кто иной, как пан Дрозд. Он мог благодарить небеса – смерть ему досталась быстрая и легкая.

Перебив всех сопротивлявшихся поляков, гренадеры наперегонки полетели к шалашу, чтобы захватить главного обидчика – пана Потоцкого. Тот стоял в гордом одиночестве, обнажив сверкающий клинок. Его окружили со всех сторон, но не решались начать атаку. Слишком грозным противником казался этот гордый шляхтич, несмотря на усталый и изнуренный ранами вид.

– Стойте, – властно произнес он и поднял левую руку. – Фон Браун остался должен мне схватку. Надеюсь, он держит слово чести.

Гренадеры прекратили смыкать кольцо вокруг шляхтича, вопросительно уставились на меня. Я понял, что кузен обязательно примет вызов, не тот у него характер, чтобы пренебречь обещанием.

– Что скажешь, брат?

– Не сомневайтесь, ясновельможный пан, – гордо выступил Карл. – Еще никто не мог упрекнуть меня в отсутствии чести. Я к вашим услугам.

Кузен поклонился. Потоцкий с усмешкой человека, которому нечего терять, опустил подбородок на грудь.

– Я рад нашему знакомству, барон, – с достоинством произнес шляхтич. – Вижу, мы оба ранены. Это уравнивает наши шансы на победу или проигрыш. Поединок рассудит, на чьей стороне правда.

Он сбросил с себя жупан и остался в белой, пропитавшейся кровью рубахе.

Противники стали в позицию.

– Готовьтесь к смерти, барон.

– Только после вас, ясновельможный пан.

– Начинайте, господа, – сказал я, отходя в сторону, чтобы не мешать поединщикам.

Дуэлянты сшиблись, раза два сухо лязгнули сабли, потом один из них упал, а второй устоял на ногах, при этом качаясь, как дерево на ветру. Я увидел, что это Карл, и удивился столь скоротечному сражению.

– Боже мой, как быстро!

– Боюсь, мой уважаемый противник был слишком истощен ранами, – тихо сказал кузен. – Не думаю, что мою победу можно назвать честной.

Лежавший на земле Потоцкий открыл глаза и, с трудом шевеля губами, произнес:

– Не надо корить себя, молодой человек, вы заслужили победу в настоящем бою.

Шляхтич закашлялся, каждое слово давалось ему ценой невероятных усилий.

– В благодарность за ваш благородный поступок открою вам маленький секрет: не стоит возвращаться к границе с Москвией прежней дорогой.

– Почему? – спросил я.

– Вы обязательно наткнетесь на людей Сердецкого. С ними будет вся окрестная шляхта. Они задавят вас числом.

Потоцкий прекратил говорить и затих. Жилка на его шее перестала пульсировать. Лицо стало спокойным и безмятежным.

– Умер, – сказал Чижилов, снимая треуголку.

– И впрямь, как ему нагадали: от сабли, – хмыкнул я, вспоминая слова, сказанные одним из шляхтичей после первой дуэли.

Окружавшие место схватки кусты раздвинулись. На поляну высыпало несколько десятков лохматых мужиков. Среди них был и тот, что столь любезно одолжил нам ножик. Староверы, сообразил я. Они направили на нас рогатины, кое-кто целился из мушкетов. Мы были в плотном кольце и слишком устали, чтобы оказать сопротивление. «Патриарх» раскольников протиснулся сквозь ряды единоверцев и сквозь зубы процедил:

– Собаке собачья смерть.

Он внимательно посмотрел на меня, выражение на его лице вдруг из смиренного стало плотоядным. Старик хищно осерился:

– Да и вам недолго небо коптить, чада заблудшие.

Глава 7

Раскольники отконвоировали нас к деревне. Мы шли на заклание, будто овцы, понимая, что впереди ничего хорошего – пытки да «огненное очищение», однако все были столь истощены, что не могли оказать мало-мальского сопротивления. Мужики скрутили нас в мгновение ока, я пробовал вяло отбиваться, но это закончилось тем, что меня огрели дубиной и сбили с ног. Не помогли ни шпага Карла, ни пудовые кулаки Чижикова, ни хитроумие Михайлова и ярость Михая.

– Зачем вы нам помогли освободиться? – спросил я у старца.

Тот по-заячьи пожевал губами и высокопарно изрек:

– Господь прислал вас, чтобы вы проучили чрезмерно возгордившихся ляхов, поэтому мы решили помочь вам довести столь богоугодное дело до конца. Община терпела от панов много мук и унижений.

– Так это же замечательно. Мы проучили поляков, отпустите нас хотя бы из чувства благодарности, – предложил я. – На небесах вам зачтется.

– Не слышу кротости и смирения в словах твоих. Чую дух непокорный, злой. Вознесите молитву Господу, чтобы принял ваши заблудшие души, а о прочем и думать забудьте.

– Это вместо «спасибо», – хмыкнул я. – Перебили нашими руками обидчиков, а как отвечать перед другими панами станете? Приедут искать Потоцкого, обязательно приедут, не последний человек, чай, в Речи Посполитой, спросят: «Куда подевался?»

– Как спросят, так и ответим. Объясним, что сеча была промеж ляхами и людьми залетными, непонятными. Что осталось от тех и других, покажем, – пряча в бороде усмешку, пояснил старец.

– Много ль от нас оставить хотите?

– То не твоя забота, грешник.

– Бороду бы тебе выдрать, козлу старому, – раздувая ноздри, прошипел Чижиков. – Нашел грешников. На себя посмотри, сивый!

– Ты что глаголешь, ирод? – вроде даже обиделся главный раскольник.

– Правду глаголю. В воду на отражение свое глядеть не страшно, старче? Или она сразу красной от пролитой крови становится?

– Вот оно как, – с видом заправского доктора покачал головой старец. – И вправду, неладно с вами. Гордыня окаянная полезла! Спасать надо ваши души темные, пока не поздно.

Я печально вздохнул, представляя эти методы спасения.

– Может, покормите нас? Со вчерашнего дня крошки во рту не держали... – наивно спросил Михайлов.

– Токмо о чреве своем да о плоти греховной помышляете?! – сплюнул старец и ушел.

– Стоило спрашивать, – усмехнулся я.

Михайлов пожал плечами:

– Так я ж из того разумения, что люди мы христианские, не католики, чай. Зачем нас голодом морить?

– Святая простота! Будут они ради нас в расходы входить.

– Разве что березовой кашей попотчуют, – внес свою лепту Чижиков.

Нас заперли в большом амбаре без окон, заложили ворота дубовыми брусьями, поставили в охрану здоровенного сторожа, комплекцией похожего на армрестлера. Руки вязать не стали, что ж, и на том спасибо.

В кармане обнаружили маточники. Похоже, поляки при обыске не догадались, что это такое, а раскольникам и вовсе не было до них никакого дела.

– Как думаете, господин сержант, здесь палить будут али как? – как-то отстраненно спросил Чижиков.

Мне показалось, что он уже смирился с неизбежностью смерти.

– Сомневаюсь. Уж больно постройки добротные, чтобы на нас переводить. Раскольники – народ хозяйственный, зря имущество портить не станут. Скорее всего, есть у них особые избы для провинившихся, там и жгут, а потом на пепелище заново отстраивают. Сейчас приготовят все и в гости позовут. Михайлов, заберись повыше, посмотри – может, чего увидишь.

– Слушаюсь, господин сержант.

Юркий гренадер полез почти к самой крыше и, усевшись на поперечной балке, как курица на насесте, сообщил:

– Я тута щелочку проковырял, через нее маненько рассмотреть можно.

– Докладывай, – приказал я.

– Поодаль от всех домов изба стоит какая-то, низенькая, рубленая. Чёй-то возле нее народ суетится: солому носят да смолу вроде. Бабы, старухи, детишки... Всех припрягли.

– Понятно, чего народ суетится, – поморщился Чижиков. – Гарь устраивают. И охота же людям...

– Так то не люди, то вера такая! – в каком-то философском угаре бросил Михайлов.

– Вера... Что же за вера такая – человека в геенну огненную живыми бросать?! По виду и не скажешь, что людоеды энтакие.

– Брат, нас и вправду хотят сжечь? – недоуменно спросил Карл.

Бедолага, где ж ему знать, что в России всегда все очень серьезно. Если война, так до последней капли крови, если драка, так до смерти. Не любит наш народ полумер и полудействий.

– Угу, в полном соответствии с фольклорными традициями. На Руси ведь как заведено: одних напоят-накормят, в баньке напарят, а других пустят на золу – ценное удобрение в народном хозяйстве. Как карта выпадет.

– Неужели нельзя переговорить с ними, объяснить, что они поступают бесчеловечно?

– Увы, дорогой кузен. Нас просто не станут слушать. Этот сивый дедок давно уже все решил, а остальные ему в рот смотрят. Боюсь, не поможет даже высокое ораторское искусство.

– Я солдат и не собираюсь дешево продавать свою жизнь. Неужели мы позволим этому мужичью без боязни творить столь черное дело?

– Какие будут предложения? На помощь Бэтмена или Железного человека я бы не рассчитывал.

– О чем ты, Дитрих? – удивленно заморгал кузен.

Я досадливо прикусил язык, вот уж воистину не вовремя развязался.

– Да так... вспомнились кое-какие герои из былин. Карл, я сам ломаю голову над ситуацией, но ничего пока придумать не могу. Ясно одно: делать отсюда ноги и как можно скорее. Когда нас загонят в ту уютную избушку и запалят потолок и стены, будет поздно. На люк, ведущий к подземному ходу, я бы не надеялся.

Дверь вдруг распахнулась, на порог вступил шупленький мужичок в суконном колпаке, надвинутом чуть ли не на самый нос.

– Утекайте, господа хорошие.

– Чего? – Я схватил мужичонку за грудки, рывком подтянул к себе.

От резкого движения колпак свалился. Я увидел длинную косу, испуганные глаза, свекольные щеки, приятный носик, пухлые пунцовые губки и от неожиданности опешил.

– Баба! – ахнул Чижиков.

– Сам ты баба. А ну не замай. – Девушка выскользнула у меня из рук. – Уходите из амбара, пока раскольники не опомнились.

– А сторож как?

– С ним дядька Федяй расправился. Он у меня хваткий, – похвасталась нежданная гостя. – Подошел поближе, дал колотушкой по лбу. Мужик хучь и здоровый попался, а все одно с копыт на землю – брык! Закатил глазки и не шелохнется.

– А ты кто такая будешь, красавица? – заинтересовался Чижииков.

– Неужто погорельцев с большой дороги не помните? Тех, кто добром за добро отплатить хотел? – удивилась девушка.

Я вспомнил незадачливых грабителей, устроивших нам засаду по пути из Новгорода в Псков, – дядьку с племянницей, которая, стоит отметить особо, весьма недурно стреляла из охотничьего штуцера.

– Припоминаем.

– Ну, раз так, нечего баклуши бить. Дуйте отседова, да поскорее.

– Какая ты грубая! – улыбнулся я.

– А какая есть, – гордо ответила разбойница.

– Теперь вижу. Лучше скажи, в какую сторону бежать.

– А вы за мной ступайте, у нас и лошадки приготовлены. Дядя, как заправский цыган, из табуна их увел. А о седлах я позаботилась.

– Оружие у вас есть?

– Чего нет, того нет.

– Ладно, и на том спасибо.

Мы осторожно выбрались из амбара, задами пробежали к выступающему подлеску. Там, привязанные к деревьям, стояли лошади.

– Где твой дядька? – спросил я.

– Скоро будет, – усмехнувшись, заверила разбойница. – Шороху у раскольников наведет и объявится.

– Чего он удумал?

– Экий вы, право, нетерпеливый. Обождите чуток, все сами увидите.

Сначала мне показалось, будто вся деревня озарилась огнем, но потом дошло: это вспыхнула небольшая избушка, находившаяся в отдалении, о которой говорил Михайлов. Пламя было ярким и сильным. Оно жадно пожирало деревянный остов дома. К небу летел сноп искр.

– А ведь это для нас готовили, – истово перекрестился Чижииков. – Чудом убереглись. Господь не позволил.

– Свят! Свят! Свят! – заохал Михайлов.

Должно быть, он представил себе этот кошмар наяву.

От деревни в нашу сторону мчался мужик в долгополом кафтане. Погони за ним не было. Похоже, все произошедшее оказалось для неподготовленных местных жителей большим и неприятным сюрпризом.

– Вот и дяденька, – довольно хихикнула девица. – Зря старались двуперстники, все труды впустую.

Мужик, оказавшийся старым знакомым, когда-то чуть было не облегчившим наши кошельки, степенно залез на коня.

– Пора уходить, а то не ровен час – на глаза попадемся. Старец, поди, совсем осерчает, лютовать начнет. Ох, не хотел бы ему сейчас подвернуться.

Отмахав десятка полтора верст, встали на привал. Погони не было, раскольники, вероятней всего, зализывали полученные раны. Им действительно пришлось несладко – сутки

напролет тушили пожары, а впереди еще разборки с поляками с непредсказуемым результатом. Вот уж кому не позавидуешь.

Разбойники поделились небогатыми припасами – немного хлеба, сыр. Неподалеку протекал ручей с холодной и чистой как слеза водой. Мы напились сами, напоили лошадей и пустили попасться на травку.

Устал я ужасно, казалось, в теле не нашлось ни одной неизбитой косточки. Болело все – спина, руки, ноги. Голова гремела как чугунный котелок.

Я снял сапоги, поставил сушиться, опустил голые ступни в мягкий травяной ковер, ощутил голой кожей дуновение легкого ветерка. Сразу стало уютно и хорошо, будто мы были не в дремучем лесу, а на южном курорте.

– Скажите, как вы нас нашли? – спросил я предводителя разбойников.

– Оченно просто – за вами след в след ехали.

А я-то думал, что это Ушаков отправил за нами другую команду.

– Здорово, ничего не скажешь. На глаза не попадались.

– Ну дык... – в непритязательной форме похвастался своим профессионализмом разбойник.

– И не лень было за нами в такую даль тащиться, через столько границ?

– Не велик труд, да и должок за нами остался.

– Ничего себе – не велик труд, – восхитился я.

Разбойник замолчал, явно не желая развивать тему.

– А в Крушанице, во время дуэли, кто в шляхтича стрелял?

– Племянница и стреляла. Увидела, что дуэлянту вашему погибель грозит, вот и не стерпела. К тому же из-за нее вся эта суматоха с дуэлью приключилась.

– Не понял. При чем тут твоя племянница и дуэль?

– Экий вы, право слово, недогадливый. Мы вас едва не потеряли в Крушанице, стали по постоянным дворам разыскивать. Племянница ненароком и заглянула в тот, где панове гуляли. Энтот, что среди них самый главный, к ней пристал, а Карл ваш вступился. Чуть не подрались, а потом порешили на дуэли схватиться. Машка моя, не будь дурой, руки в ноги и бежать. А на следующий день зарядила ружжо и в засаду... Не впервой ей.

– Интересно получается. А она не боялась, что промахнется или, того хуже, пристрелит Карла?

– Машка, – лениво позвал разбойник.

– Чего, дядь?

– Ты когда на дуэли пуляла, ничего не боялась?

– Чего мне бояться? – очень удивилась девушка.

– Ну, что прихлопнешь кого не надо.

– Не, – отрицательно помотала головой разбойница. – Кого не надо я б не убила. Меня такой человек учил стрелять...

Она внезапно замолчала.

– Какой человек? – с интересом спросил я.

– Да так, – неохотно отозвалась Маша. – Человек как человек: одна голова, два уха.

По ее виду я понял, что она не настроена отвечать дальше, и не стал приставать с расспросами.

Потоцкий предупредил, чтобы мы не возвращались прежним маршрутом. Значит, предстояло держать путь в другую сторону.

– Махнем туда, где нас точно не ждут, – предложил Михай.

– Куда именно? – поинтересовался я.

– В Гданьск. Из него в Петербург ходят пакетботы. Доберемся до России водным путем.

– Идея, конечно, неплохая, но потребуются деньги, а у нас с ними плохо. Все, что было, выгребли поляки, – сказал я.

– Значица, сейчас их старец пересчитывает, – логично заключил Михайлов. – Небось все наши дукаты с талерами в кубышке евонной осядут. Я эфтакую породу знаю.

– Рыбак рыбака... – усмехнулся в усы Чижиков.

– Скажешь тоже, – обиделся Михайлов.

– Будет тебе на меня дуться. Деньги мы как-нибудь раздобудем, – заверил Чижиков. – Токмо к границе нам сейчас лучше не подходить. Вильнем хвостом и поедем в Данциг. Пушай Сердецкие по тутошним лесам мотаются, нас ищут.

Я прикинул расстояние.

– Нет, до Данцига далековато: через всю Польшу добираться. Махнем лучше к Мемелю, а там сядем на корабль.

– Это что, к пруссакам в гости? – прищурился Чижиков.

Мемель принадлежал Восточной Пруссии, которая хищно вгрызлась в бока Речи Посполитой.

– Думаешь, они опасней поляков?

– Сунемся – узнаем.

– Эх, знать бы точно, где тут наши войска стоят. Ведь наверняка не все в Крым отправили.

– Дык, пока искать будем, нас быстро отыщут и того... убьют, в общем, – заверил Чижиков.

Я обратился к дяде с племянницей:

– С нами подадитесь или как?

– А зачем? У вас своя свадьба, у нас своя, – пожал плечами разбойник. – Мы друг другу обуза. Вы и впрямь до Гданьска добирайтесь, а мы тут поозорничаем. Нам законы не писаны, колобродим где захочется.

Я взглянул на девушку. Она загадочно улыбалась, думая о чем-то своем.

– Чем отблагодарить тебя, Диана-охотница?

– Меня благодарить не надо. Вы дядюшку моего от верной смерти спасли, да за честь мою девичью вступились. Таперича мы квиты. Что мне надо, сама возьму, – с упрямством произнесла она.

– Что же тебе надо?

– А вот его и надо, – девушка кивнула в сторону Карла.

– В смысле? – не сразу сообразил я.

– В мужья его взять хочу. Уж больно пригожий да ладный.

У меня невольно открылся рот, гренадеры захохотали. Кузен от неожиданности подавился собственной слюной. Он закашлялся, девушка под села рядом и заколотила маленькими кулачками по спине.

– Мадемуазель, я, конечно, польщен неожиданным вниманием к моей скромной персоне, но... – заговорил Карл, справившись с кашлем.

Разбойница прервала его речь, приложив шаловливый пальчик к губам кузена:

– Не продолжай, милый. Не говори ничего, я все понимаю. Думаешь, не пара я тебе. Не ровня и ровней быть не могу. – Она горько усмехнулась. – Это я в таком виде тебе не нужна, но ты обожди чуток. Все еще переменится.

Карл озадаченно потер подбородок.

– Я готов ждать годами, но чего или кого?

– Меня. – Разбойница загадочно улыбнулась. – Ты только потерпи. Ей-ей... немного тебе ходить невенчанным осталось.

Гренадеры смеялись пуще прежнего – гоготал во всю глотку Чижиков, хихикал в кулачок Михайлов, рассеянно улыбался Михай.

– А ты смелая, – тихо произнес Карл и, сняв с головы девушки дурацкий колпак, провел рукой по ее шелковым волосам. – Я люблю смелых.

– И я люблю, – потряхнув головой, дерзко сказала разбойница. – Ты на меня не смотри как на девку кабацкую, я, чай, еще нецелованная, для мужа себя берегу.

– Так сколько же ждать тебя и твоих перемен?

– Недолго, – сказала девушка и повторила: – Недолго.

– Вот так, Карл, – резюмировал я. – Без тебя тебя женили.

Глава 8

Как мы ни старались, одну ночевку все же пришлось сделать в лесу. Все слишком устали и были не в состоянии продвигаться дальше. Глядя на звездное небо, я всерьез задумался. Мне пришли в голову некоторые параллели с моим прошлым, и навела на них наша спасительница, разбойница Маша.

Ремесло наемного убийцы процветало всегда. Нанятые за деньги профессионалы убивали еще в Древнем Египте, в античные времена, в Средние века и, конечно, в более «прогрессивные» периоды истории. Разумеется, восемнадцатый век не является исключением из данного правила, но есть одно «но»: наемные специалисты обычно прибегают к ядам, засадам в укромном местечке, но почти никогда не устраивают охоту по всем правилам снайперского искусства, а ведь тот самый знаменитый Балагур, который когда-то ловко снял выстрелом из штуцера поручика Месснера в памятный день моего переселения в тело настоящего фон Гофена, применил тактику более позднего периода. Неужто какой-то местный самородок самостоятельно додумался до новых приемов? Вот бы выйти на него, посмотреть в холодные глаза убийцы.

Маша тоже орудовала не хуже заправского снайпера. Она говорила, что ее кто-то учил, причем распространяться об этом человека почему-то не захотела: из боязни, чувства уважения или из благодарности. Возможных причин – масса. Но ее учитель... Не может ли он оказаться тем самым Балагуром, за которым охотится ведомство Ушакова?

Я подошел к девушке. Она сидела на пеньке и при свете костра штопала порванную рубашку дяди. Картина идиллическая, если забыть об обстоятельствах, при которых мы познакомились.

– Не помешаю? – спросил я.

Девушка пожала плечами:

– Свет вы мне не застите, в душу не лезете, значит – нет, не помешаете.

– Насчет души я не уверен, – вздохнул я.

Девушка отложила заштопанную рубаху в сторону, внимательно на меня посмотрела:

– Что вам от меня нужно?

– Расскажи мне о том человеке, который учил тебя стрелять.

Маша насторожилась:

– А зачем он вам?

– Очень нужен по важному делу, – почти не солгал я.

Девушка замотала головой:

– Не задавайте мне о нем вопросов, пожалуйста.

– Почему? – удивился я.

– Потому что я жить хочу. Он очень страшный человек, поверьте. Забудьте о нем.

– Не надо бояться, Маша. Я смогу защитить тебя.

Маша улыбнулась:

– От него?! Вряд ли. Он убьет вас. Узнает, что это я о нем рассказала, найдет меня и убьет.

– Я могу поговорить с генерал-аншефом Ушаковым. Если ваш учитель тот, о ком я думаю, Андрей Иванович нам поможет.

– Быть может, я кажусь вам маленькой дурочкой, но на самом деле я многое повидала. Вам с ним не справиться, барон. Простите.

Я понял, что сейчас она упрется и не станет ничего говорить, решил дать ей время хорошенько подумать над моим предложением. Уж какую-нибудь программу по защите свидетелей мы с Ушаковым сумеем придумать, так что опасность будет сведена к минимуму.

Я пообещал девушке вернуться к разговору утром, сам лег и неожиданно для себя крепко заснул.

На рассвете выяснилось, что дядя с племянницей ночью спешно собрались и тайком покинули нас. Похоже, Мария и впрямь была напугана возможными последствиями, поэтому предусмотрительно сбежала. Жаль, ниточка, которая вполне могла привести нас к Балагуру, внезапно оборвалась.

Я заметил, что Карл, обнаружив исчезновение девушки, загрустил. Симпатичная оторва все же запала ему в душу.

Дорога вывела нас из леса. Оказавшись на открытой местности, все разом повеселели, довольный донельзя Михайлов затянул какую-то песню. Я вслушался и понял, что детским ушам она точно не предназначена, да и женским тоже, правда, сейчас мы больше не были обременены присутствием прекрасного пола.

– Денег нет, оружия нет, пачпортов нет. Лепота, – закончив петь, грустно протянул Михайлов.

– Хватит ныть, – оборвал его Чижилов.

– Рази ж я ною? – встрепенулся Михайлов.

– Нет, настроение поднимаешь! Еще раз в энтот духе ляпнешь, я тебе по морде насую, – предупредил гренадер.

– За что?!

– За все хорошее.

Михайлов заткнулся и перестал изводить нас нытьем.

Впереди показалось небольшое селение с корчмой, от которой исходил такой насыщенный аромат готовившейся пищи, что мои хлопцы как по команде сглотнули. Пустые желудки дружно заурчали.

– Может, продадим одну лошадь? – предложил Михай.

– Ага, и кто пешком потопает? – ехидно осведомился Чижилов.

Топать ножками умопомрачительное расстояние не хотелось никому.

– Если не лошадь, тогда что-нибудь другое продадим, – не сдавался поляк, скорее всего из принципа.

– Верно, – поддакнул Михайлов. – Нету сил-моченьки муку от голода терпеть.

– Чево уж тут, – вздохнул Чижилов. – Терпеть надо, пока господин сержант чего-нибудь не придумает.

Я осмотрел свое потрепанное войско и пришел к выводу, что продать мы можем только самих себя. Ничего ценного при нас не было.

– Надо к кому-нибудь наняться, – произнес Карл. – Предложим свои услуги в качестве телохранителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.